

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

ПОВЕСТЬ-РЕКВИЕМ

Жизнь с тобой, но без тебя...

Не знаю, попаду ли я когда-нибудь снова в Париж, но он навсегда останется для меня городом, в котором я попрощался с тобой: ты ещё была жива, но в то же время тебя почти уже не было. Городом, в котором я жил со страшным чувством бесприютности и бессмысленности жизни, по крайней мере, своей...

Человеческое общество, по большому счёту, лишено сострадания к людям, оказавшимся на грани жизни и смерти. Оно торопливо, скрывая растерянность, а вслед за ней раздражение, что нарушен привычный бег жизни, отгораживается от них, как от бестактно напоминающих о смерти и мешающих продолжать бездумно жить на Земле. Человек как частица общества, пока это не касается его лично, ведёт себя так, словно сам никогда не окажется в этом положении, более того, своим поведением он как бы пытается обмануть, прежде всего, самого себя, что ему это не грозит, хотя прекрасно знает об обратном. Иначе говоря, человек, оказавшийся на грани жизни и смерти, как бы отрицает земные цели общества, заставляет усомниться в них, и общество это раздражает...

Как старались не выписывать тебе первую группу инвалидности, хотя знали, что ты уже безнадежна, что жить тебе по прогнозам врачей осталось не более полугода. Боялись, что ты обворуешь государство, которое хотело на тебе сэкономить. Так называемая комиссия ВТЭК имеет тайную и строгую инструкцию: выписывать первую группу в самый последний момент, чтобы платить эти жалкие крохи не больше месяца-двух. А ты поступила бесчестно по отношению к государству: протянула, промучилась ещё почти год.

Зато позже — тебя уже больше года не было на Земле, — а я ежедневно продолжал вытаскивать из почтового ящика строгие бумаги с требованием явиться для переоформления на группу инвалидности.

Чем ниже общенародная нравственность, тем больше больных раком. И, может, как ни парадоксально, рак поражает чаще как раз самых нравственных, страдающих от общей безнравственности?

Не знаю, так ли это на самом деле, но пришла вдруг такая неожиданная мысль.

Жизнь без тебя...

Золотая осень...

Сажу в саду на твоей лавочке у крыльца...

Падают перезревшие яблоки...

Вспоминаю...

Яблони цвели ещё при тебе. Ты ещё успела подкормить их. Первый раз дала плоды, и очень крупные, сочные, почти прозрачные, уральская наливная, которую мы с тобой в течение ряда лет пересаживали с места на место, пока, наконец, не нашли место около сарая, которое ей понравилось, и она сразу пошла в рост. Но при тебе яблочки были ещё зелёные, а потом ты уже не ездила на дачу и даже попробовать их не могла, ты жила уже только на жидкой пище и на наркотиках. Для определения суточной дозы наркотиков тебя перевели в так называемое паллиативное отделение, разлучив тебя с лечащим врачом. Качество жизни!

Я думал, что паллиативное отделение — тишина, музыка, покой, особенный уход, может быть, врач-психолог, — а это две переполненные, словно селёдка в бочке, комнатухи, духота, равнодушные и хамоватые студенты вместо врачей. А в местной “Вечёрке” прочитал, что у нас чуть ли ни лучшее в стране паллиативное отделение. Боже мой, что же тогда представляют собой другие подобные отделения и как у главного врача ракового центра вернулся язык хвалиться подобным?!

Может, хорошо, что ты всего этого уже не увидела: как будут заброшены, зарастут чертополохом окружавшие наш садовый посёлок поля. От озера-старницы, которое “новые русские” от окрестных деревень, от всего остального мира отгородят глубоким, почти противотанковым рвом, на нас будет надвигаться так называемый элитный дачный посёлок, местная Рублёвка, забивший мусором поднимающийся по склону от озера берёзовый лес, в котором ты любила собирать грибы. Многоэтажные особняки новых хозяев жизни, словно ядовитые грибы, выросли на прежде духовитых полянах-покосах, где ты собирала цветы. Всё чаще в поисках работы или под предлогом поиска работы, а на самом деле чем-нибудь поживиться, добираются до нас наводнившие элитный посёлок завезённые контрабандой в качестве дешёвой силы беспаспортные и полуголодные мигранты из некогда взятых Россией под своё спасительное крыло, а теперь брошенных на произвол судьбы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии... Пока они ведут себя тише воды и ниже травы, но я невольно вспоминаю Париж, в котором коренные парижане уже вроде изгоев... Может, хорошо, что ты уже не увидишь разрушения своего любимого мира, в котором мы уже чужие...

Вспоминаю...

Однажды в саду, сидя, уставшая от садовых дел, на скамеечке около южного крылечка, оглядывая наш уютный, возделанный твоими и отчасти моими руками сад, ты сказала мне:

— Лишь бы умереть не зимой, чтобы вам было меньше хлопот с похоронами.

Ты, оказывается, постоянно думала об этом. Ты помнила, в какой жуткий январский мороз в 43 градуса мы хоронили твоего отца, у меня подошвы примерзли к валенкам...

Господь хоть тут услышал тебя...

Как я уже писал, незадолго до тебя, неожиданно опередив тебя, умерла моя сестра Вера. Потом — мать. Но только когда умерла ты, я понял, что жизнь не только конечна, но, может, и бессмысленна, если ты в молодости наделал кучу непоправимых ошибок. И если даже ты совершил всего одну, но страшную ошибку. Но почему Господь не вразумил меня? Или он пытался вразумить меня, но я не понял Его вразумления? Я стараюсь представить твои последние мысли. Я пытался поставить себя на твоё место, и мне становилось стыло и жутко. Ни детей, ни даже племянников. Наш с тобой грех

ещё в том, что мы оставили твою бездетную сестру без племянников, ей придётся доживать без единого родственника. И ещё ты знала, что когда умру, то лягу не рядом с тобой, а скорее всего, на своём сельском кладбище. Страшно подумать, что ты только не передумала в последние твои три года: за спиной — пустота, впереди — чёрная неизвестность.

Твои вещи. Мне больно их перебирать, я не знаю, что с ними делать, раньше отдавали в храмы нищим, теперь нищих нет, мы сами, по большому счёту, были нищими. Теперь магазины завалены дешёвой одеждой. Теперь больше нищих духом.

Господи! После тебя я снова, как в детстве, стал задаваться самыми простыми и в то же время самыми неразрешимыми вопросами, какие задаёт себе и другим, действительно, только ребёнок. Зачем цветёт вот этот цветок, который рано или поздно, если до этого времени его не сорвут, если его не съест корова, всё равно завянет? Зачем миллионы лет течёт мимо меня эта река? Зачем Бог создал человека? Наделил его разумом, если это можно назвать разумом? В чём смысл мировой истории?

Зачем существует Вселенная, растения, другие живые существа, планеты, Солнце, если они тоже со временем погибают? Зачем существует само Время? Хотя без ощущения текучести Времени, наверное, жутко было бы жить. Но если где-то существует вечная жизнь, значит, там нет Времени?

Почему люди страдают и раньше времени умирают от неизлечимых болезней?

Кактус на моём подоконнике, странное колючее растение, цветёт раз в году и всего лишь сутки, благоухая необыкновенно тонким нежным влажным запахом. Для кого он цветёт? И почему только строго сутки, когда другие цветы цветут несколько дней, неделю, несколько раз в году, постоянно?

Почему на Земле такой жестокий мир? У каждого живого существа — свой враг. И всё это пытаются оправдать грехопадением человека.

Что является первопричиной войн и междоусобиц? Почему Господь разделил нас на народы, а не сделал единым народом? Неужели потому, что тогда мы натворили бы что-то ещё более страшное?

Утверждают, что смерть и вражда появились на Земле в результате человеческого грехопадения, но динозавры существовали задолго до появления на Земле человека, но и в их эпоху у каждого живого существа был враг.

Иду по городу. Этот дом при тебе был построен только на три этажа. А этот дом построен уже без тебя. И так весь город в моём сознании невидимым для других водоразделом делился как бы на две части: при тебе и после тебя. И всё, что происходило и происходит на Земле — при тебе и после тебя.

Перед своей смертью после того, как мне сшила два костюма, ты купила мне тёплый свитер, зимние сапоги. Очень переживала, что не успела купить хорошие осенние туфли... Ты думала, как я буду жить после тебя

Господи! Если можно было бы хоть что-то вернуть, хоть какой-то кусочек жизни прожить снова, иначе — в искупление вины перед тобой...

В конце ноября, наверное, в последний раз в этом году, пока не глубокий снег, поехал к тебе на кладбище. В студёном снегу твоя последняя фотография, на которой ты кормишь уток в озерке ниже Святых ключей, места явления Табынской иконы Божией Матери, туда мы ездили на несколько дней молиться. Был прекрасный тихий августовский день, природа ликовала и в то же время томилась предосеньем, и никак не верилось, что у нас с тобой впереди всего год, а может, и меньше: ты, светло-печальная, кормила уток хлебом, а я тебя фотографировал...

Ещё в октябре, когда выпал первый снег, я порывался забрать фотографию: забько тебе в лёгкой блузке на ней будет в студёном снегу, а потом он закроет тебя с головой, но кто-то меня остановил, сказал, что с кладбища ничего нельзя забирать.

И сейчас вдруг — мурашки по спине, и по щеке побежала слеза: след какой-то зверушки из леса прямо на твою могилу, минуя, обегая стороной другие могилы, то ли ласка, то ли молодая куница, прямо к твоей фотографии в студёном снегу. Посидела около неё и ускакала обратно в лес. Неужели

специально прибегала к тебе? Ведь ты любила всяких зверюшек и птиц, жалела их. Ты даже противилась, когда я валил на дрова сухостойные сосны за нашим забором: нечем будет кормиться дятлам.

Я ещё раз проверил след, он действительно обошёл стороной все другие могилы...

И ещё: каждый раз, когда приезжаю к тебе на могилу, тут же прилетает какая-то птичка и начинает тенькать над ухом. Конечно, птички привыкли к тому, что пришедшие на кладбище кормят их, и как только кто-нибудь появляется, они подлетают к нему. Но тем не менее точит мысль: а вдруг это ты, твоя душа что-то на птичьем языке говорит мне?

И, глядя на фотографию в снегу, я вспоминаю...

Это были, наверное, последние твои счастливые дни на Земле, если можно считать счастливым ожидание смерти. Но всё-таки мы с тобой были по-своему счастливы, но не ожиданием смерти и приурочиванием к ней, к чему нас упорно призывают святые отцы, а тем, что, несмотря ни на что, мы жили надеждой на жизнь: всё вокруг было так прекрасно, и всё это было создано Богом — для жизни же, а не для смерти! Мы приехали на Святые ключи, место явления чудотворной Табынской иконы Божией Матери, и ждали чуда. Не чуда смерти, а чуда жизни. Но у Бога, видимо, уже было всё решено. Видимо, мы не заслуживали прощения. А может, Бог решил, что мы заслужили только эти три дня счастья? Только три дня счастья с примесью ожидания твоей смерти и всё-таки — надежды. Потому нужно ценить не только каждый день, но и каждый час на Земле...

Белый храм на горе над Святым источником. Ты окуналась в его ледяную воду без всякого страха, наоборот, с великой надеждой, потому что надеяться теперь оставалось только на чудо. Черда тихих, перетекающих одно в другое, камышовых с тёмной болотной водой озёр, в которых ты с руки кормила уток. Необыкновенно вкусный хлеб в соседнем посёлке Красноусольске, который был основан как Богоявленский, по явленной здесь чудотворной иконе, а ещё его называли Усольем, но большевики переименовали в Красноусольск. Почему-то они панически боялись слова “белый”. За хлебом мы специально ездили по утрам, несмотря на то, что посёлок был за восемь километров от Святых ключей, и порой на обратном пути мы не замечали, что всухомятку, отламывая по кусочку, съедали всю буханку — такой он был вкусный, и с полпути приходилось возвращаться за ним, и нам это очень нравилось, и нам было так хорошо, что твоя смерть казалась невозможной.

Все три дня стояла удивительная погода: было ещё лето, но во всём чувствовалось приближение, томительное ожидание осени, какая-то тихая благодать разливалась в воздухе. Так, наверное, человеку нужно готовиться к смерти, если у тебя за спиной нет тяжёлого вороха грехов и если безоговорочно верить, что там, за порогом смерти, будет продолжение жизни. Как за зимой снова приходят весна и лето. Но нас давил ворох прошлых грехов...

Самой чудотворной иконы, покровительницы огромного пространства России от Волги до Тобола, ни на Святых ключах, ни в храме её имени в соседнем селе Табынском, по которому она была названа, нет. Она с частью Русского народа — с Оренбургской армией атамана Дутова и десятками тысяч беженцев в гражданскую войну ушла в изгнание, в Китай. Почему Всевышний попустил эту страшную русскую междоусобицу, в которой пострадали больше как раз ни в чём не повинные, не грешные? Страшны были все исходы русского народа того времени, но этот исход был особенно страшен. В воспоминаниях тоже вынужденного покинуть Родину историка и публициста, редактора журнала “Голос минувшего”, С. П. Мельгунова я нашёл такое свидетельство: “Что сказать про тот “Страшный поход” Оренбургской Южной армии, по сравнению с которым даже большевистский повествователь считает другие эвакуации “увеселительными прогулками”... С армией двигались десятки тысяч беженцев, которых косил голод, тиф. Те, кто не мог идти, оставались в ледяной степи на верную смерть. Их убивали по их просьбе друзья, родные. Общее количество ушедших, по свидетельству большевистских источников, колебалось от 100 до 150 тысяч, границу Китая перешли не более 30 тысяч человек...”

Икону берегли как зеницу ока. Вот что писал после перехода китайской границы через ледовый перевал Карасарык атаман Дутов своему соратнику, сербу генералу Бакичу: “Дорога шла по карнизу и леднику. Ни кустика, нечем развести огонь, ни корма, ни воды.... Срывались люди и лошади... Редкий воздух и тяжёлый подъём расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на верёвках спустили моё тело на 1 версту вниз, а там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спустились ещё 50 вёрст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И наконец, в 70 верстах от границы мы встретили первый калмыцкий пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей. Вынесли только Икону, пулемёты и оружие...”

Не спасла Табынская икона Божией Матери Оренбургскую армию, не спасла самого атамана Дутова, но стала духовной опорой в изгнании десятков тысяч русских людей. Есть свидетельства, что она явила там многие чудеса. Или они были придуманы людьми, хотящими верить в чудеса, для которых она была единственной духовной опорой, связывающей с родиной? Следы иконы потерялись во время так называемой Китайской культурной революции, когда храм, в котором она находилась, был разграблен и сожжён.

Спаслась ли каким-то чудесным образом она? Спасена ли была самым не чудесным образом — загодя спрятана — одним из беззаветно верующих в неё людей? Спрятана ли была китайским чиновником от культуры на какой-нибудь склад? Если спасена, то хочет ли вернуться в Россию?

Поразительно, что акафист к ней, уже ушедшей в изгнание, в своё время написал никому не известный юный иеромонах Иоанн, промыслительно освобождённый в Великую Отечественную войну по состоянию здоровья от фронта и, скорее всего, от гибели в первом же бою, и который позже, в преддверии Нового Смутного времени, станет митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, может быть, единственным источником света в Новую Русскую Смуту. А тогда, в юности, несмотря на свою монашескую покорность, он почему-то отказался изменить по повелению тогдашнего Патриарха последние слова акафиста Иконе: “Всего мира Надеждо и Утешение”. “Так надо, так будет!” — потупив глаза, твёрдо сказал он, слово, в отличие от остальных, он слышал какой глас сверху.

“Всего мира Надеждо и Утешение...” Что за тайный смысл кроется в этих словах?

Но почему мысли о ней не дают мне покоя, перед её списком я всегда чувствую особый трепет. И я чувствую вину свою перед Ней, что она, по-прежнему бесприютная, за пределами России.

Жизнь без тебя...

Разбирая твои, теперь никому не нужные бумаги, документы, определяющие твой гражданский и социальный статус, нашёл, не знаю, твои или, может, чьи-то понравившиеся тебе стихи, написанные твоим аккуратным почерком, по всему, несколько, а может, и много лет назад:

*Апрельское волглое небо
Подпёрто ветвями берёз,
В природе весенняя нега,
И хочется счастья до слёз...*

*Сорваться с привычной орбиты
Извечных забот и проблем
И миг ощущений забытых
Продлить, не считаясь ни с чем.*

И вдруг на обрывке бумаги нахожу, несомненно, твои, потрясшие меня стихи, но уже неровным почерком твоих последних месяцев, над которыми я долго сижу, склонив голову:

*Мой дачный дом —
приют моей души.*

*Там исчезают вдруг
мои печали.
Там я —
как будто бы в начале,
а не в конце пути
с названием “жизнь”...*

Это было давным-давно, после очередной поры наших бурных и тяжелых разногласий (теперь-то я понимаю, если бы у нас были дети, которые связывали бы нас в единое целое, всё было бы иначе), в пору примирения и короткого счастья. Я не помню, в каком это было году, но почему-то запомнил, что это было 19 октября.

У нас тогда, наверное, ещё не было машины, потому что мы шли на электричку, на висячий мост через аксаковскую реку Дёму, мимо лодочной переправы, которая к этому времени уже не работала. Спустившись с нашей горы через урёмное чернолесье и перейдя нижнее поле (которое нынче тоже заброшено), мы, как обычно, в последний раз оглянулись назад и остановились, поражённые: наша поросшая берёзовым лесом гора в предвечернем солнце польхала каким-то неземным золотом и багрянцем. Мы сотни раз видели свою гору отсюда, потому как каждый раз, возвращаясь в город, в этом месте на краю поля непременно оглядывались на неё — душа не желала прощаться с ней, — но такой её мы не видели, кажется, ещё ни разу.

— Такие рощи бывают, наверное, только в раю, — задумчиво сказала ты.

И сейчас я подумал: может, в эти минуты ты бродишь там, в горнем мире, в такой вот берёзовой роще.

— Я не знаю, как там, но точно знаю, что таких роц в раю нет, — ответил я. — Такие только на Земле, и потому они так светло печальны, и непонятно, зачем от них уходить...

Ты в ответ печально улыбнулась:

— Я подумала о том же...

— Давай запомним этот день навсегда! — предложил я. — Такой красоты, такой светлой печали больше, наверное, никогда не будет. Будет другая, но такой не будет.

— Давай, — радостно согласилась ты, и мы, счастливые и в то же время почему-то оба снедаемые печалью, может, будущего прощания с рощей и друг с другом, поцеловались...

Наверное, это было уже за несколько дней до твоей смерти, когда ты уже не вставала с постели и говорила только шёпотом, и часами молча смотрела в окно в небо, ушедшая в свои невесёлые мысли, время от времени тихо зовя меня, чтобы я тебя повернул на другой бок или приподнял выше на подушки, — тебе казалось, что с изменением позы уменьшатся твои страшные боли: метастазы, перекинувшись, доедали твой позвоночник. Я знал, что, может, единственным отрадным воспоминанием были наш сад, наша гора...

Я не знал, о чём с тобой говорить, чтобы лишний раз не ранить тебя, мы были с тобой уже в разных мирах...

— Ты помнишь тот день, 19 октября, много лет назад, мы шли на электричку и дали слово друг другу запомнить тот день? — осторожно спросил я.

— Я как раз вспоминаю этот день, — слабо улыбнулась ты. — Это было 19 октября 1994 года... Тогда я тебе всё простила...

Не знаю, изменили ли твою душу к лучшему эти якобы Богом данные в особую любовь страшные мучения, подготовили ли к той жизни, если она всё-таки есть. На самом ли деле ты простила меня и осознала нашу главную вину перед Богом?

Если ты на самом деле меня простила, то я себя не простил...

И каждый год 19 октября я отмечаю как праздник, как день, в который мы были бесконечно светло и печально счастливы...

Вспоминаю...

До поры до времени я не задумывался над этим. А ты, оказывается, давно думала об этом. Женщины живут дольше мужчин, это общеизвестно. За восемьдесят пять твоей матери, и моя мать умерла в восемьдесят три, а оба наши отца умерли рано: твой раньше, мой позже. Ты была уверена, что переживёшь меня. И с болью, бездетная, думала об одинокой старости, потому что других родственников, ни близких, ни дальних, у тебя не оставалось.

А я до самого последнего времени, по сути, до того дня, когда по нам ударило великое горе, жил с чувством, что ещё не вечер, старался не думать о будущем, зная, что мысли эти будут невесёлыми, просто-напросто отгонял их прочь. Когда выдалась возможность, прибавил несколько соток к садовому участку. У тебя это не вызвало радости, к моему удивлению, наоборот, ты вдруг словно окатила меня холодной водой:

— Зачем? У нас никого нет. А потом я, одна, что с этой землёй буду делать?

— Как одна? — не сразу до меня дошло.

— Ты хоть раз подумал о том, что мне придётся куковать одной после тебя?..

Господь почему-то рассудил иначе. Может, мне наметил за грехи мои перед тобой и перед Ним это страшное испытание: жить после тебя?..

Везде всё напоминает о тебе. Дома, на даче — говорить нечего. Еду, иду по городу — попадаются аптеки, в которых я, выстаивая в очередях, по спецрецептам получал для тебя лекарства, а в последнюю пору — наркотики. Полетел в Москву, иду по Лубянской площади мимо магазина “Детский мир”, натыкаюсь на министерство транспорта, сюда приходил я забрать для тебя лекарство, которое через несколько курьеров мне пересылали из Хорватии. Не откуда-нибудь, а из Хорватии, которую я из-за поверженной и распятой Сербии вроде бы должен был ненавидеть...

В думах о тебе родилась мысль, что инопланетяне — это ангелы атеистов. Может быть, потому я терпеть не могу всякую фантастическую литературу...

Однажды на Рижском взморье, в Дубултах, мы задались целью целый день до вечера идти по бесконечному пляжу вдоль моря, а обратно вернуться последней электричкой. Я оглядывал встречающих женщин, ты была красивее всех. И все мужики заглядывались на тебя.

— Вот отдохнём, подлечимся, и заведём детей... — говорил я.

Если нам где-то в магазинах попадались, мы покупали, тогда они были дефицитом, детские смеси, детское питание. Потом я все их скормил собакам...

Настоятельница монастыря, в который мы заехали помолиться перед местной чудотворной иконой Божией Матери, увещевала тебя:

— Мы рождены не для того, чтобы жить на Земле, мы рождены, чтобы жить в раю. Но мы должны заслужить это, иначе попадём в ад.

Ты не хотела в ад, но, знаю, ты не хотела и в рай. Выйдя на пенсию, ты хотела хотя бы ещё немного пожить на Земле, благоустроивая и облагораживая маленький кусочек её в шесть соток, ни на что не претендуя, никому не мешая. Заслужила ли ты своими страданиями место в раю? Простил ли Всевышний твои грехи?

Читаю умную книгу:

“Кто в состоянии перечислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его; пространен рай для обитающих в нём. Светлы чертоги его; источники его услаждают своим благоуханием... Разнообразил и умножил красоты рая создавший их Художник: для низших Он назначил низшую часть рая, для средних — среднюю, а для высших — самую высоту. Как велико и различие степеней, так же велико число и различие в достоинстве поселяемых: первая степень назначена покаявшимся, средняя — праведным, высота — победителям...”

Оказывается, и в раю неравенство, — усмехнулся я. — Если в раю неравенство, значит, там рано или поздно могут появиться недовольные. Может,

действительно так появились падшие ангелы, своего рода большевики, революционеры рая?

“...Невозможно даже мысленно представить себе образ этого величественного и превознесённого сада, на вершине которого обитает Слава Господня... Нет тёмных пятен в обителях рая, потому что чисты они от греха, нет в них гнева, потому что они свободны от всякой раздражительности; нет насмешки, потому что им незнакомо коварство. Не делают они друг другу вреда, не питают в себе вражды, потому что для них не существует зависти, никого там не осуждают, потому что нет там обид...”

Кто не позволял себе ни проклятия, ни злословия, того прежде всего ожидает райское благословение. Кто взгляд очей своих постоянно хранил чистым и целомудренным, тот увидит наивысшую красоту рая. Кто всяческую горечь подавлял в своих помыслах, по членам того протекают источники сладостного веселия... Когда выступил я из пределов рая и достиг земли, порождающей тернии, встретили меня болезни и страдания всякого рода. И увидел я, что страна наша есть темница, что перед взорами у меня — заключённые”.

Получается, так и есть, — снова усмехнулся я, — что мы на Земле всего лишь заключённые, у кого — срок больше, у кого — меньше.

Читаю дальше: “Духи совершенных праведников, подобно душе Лазаря (Лк.16, 24-31), прямо вознесутся на лоно Авраамово, где и пребывают в блаженстве до всеобщего суда. Блаженство их состоит, главным образом, в созерцании Бога — источника всего истинного, доброго и прекрасного... Там, на блаженной земле кротких, всё тихо и безмятежно, всё светло и богоугодно, нет там ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье, там всегдашнее радование, вечное веселие, не вечерний свет, незаходящее солнце...”

Я не могу представить себе счастья без труда даже в раю. Рай без труда — это счастье люмпен-пролетариата, это даже страшнее концлагеря, где силой заставляют работать, а тюрьма, где морят бездельем; а для нормального человека пытка бездельем, может, страшнее всех других пыток.

Автор этой преславной, тошнотворно сладкой сказки о райских куцах — Ефрем Сирин, которого Церковь возвела в ранг преподобного, жил на Земле в IV веке. Кошунствую, но лукавить не буду, ибо лукавство — ещё более кошунство: не верю я Ефрему Сирину. Такие сказки только отвергают от Бога. Не говоря уже о том, что этот сказочник соблазнил, очаровал своими сказками очень многих на Земле. Многие, о, очень многие в разных странах раньше времени попытались попасть в рай. Особенно любили Ефрема Сирина раскольники. С его книгой, нисколько не сомневаясь в истинности его свидетельства, они бесстрашно всходили на костёр целыми семьями, целыми селениями.

В раскольничьих скитах или в сооружённых на скорую руку шалашах в южноуральской тайге не раз находили на останках отшельников и беглых рабочих с горных заводов именно книгу Ефрема Сирина. Многих, очень многих он раньше времени увёл с Земли, хорошо, если бы в рай... Измученные тяжёлым непосильным трудом, люди находили ответ в его преславных сказках и отшельничеством, голодом ускоряли свой уход в иной мир, где “глас празднующих”, где нет “ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье”. Другие, далеко не самые худшие, разуверившись в возможности достижения рая или обыкновенного человеческого счастья на Земле, вычитав у того же Ефрема Сирина, что и там, в раю, оказывается, нет равенства, находили ответ в ещё более лукавом манифесте Карла Маркса и хватались за кистень, чтобы утвердить равенство на Земле, а к ним присоединялись просто разбойники, которые рано или поздно и брали власть в руки. Мне говорят, что свидетельства Ефрема Сирина надо понимать иносказательно, написано по разумению людей того времени, но ведь не только его современники, но и люди последующих поколений, вплоть до нашего времени понимают их буквально, верят, что это свидетельство побывавшего в раю, а не мечта, не опасный вымысел, выдаваемый за действительность, или, как бы определили литературоведы, не фантастическая литература.

Однажды и я наткнулся на старые истлевшие кости в небольшой пещерке в скале в окрестностях южноуральского города Юрюзани. На костях тоже — истлевшая книга Ефрема Сирина, только и удалось прочесть на изъеденном мышами кожаном переплете: “Еф...ь Сир...”.

Уже год без тебя...

Поехал на Урал навестить родственников. На обратном пути, сделав небольшой крюк, заехал к отцу Алексею. Заказать панихиду по тебе. Почему-то меня тянуло в этот храм. А может, к отцу Алексею, у нас как бы остался не завершённым прежний разговор, больше похожий на спор.

Отец Алексей не очень обрадовался мне, перед этим я дал себе слово не втягиваться ни в какой богословский спор, но в какой-то момент не сдержался, и отец Алексей снова увещевал меня: три, четыре поколения, а то и больше, расплачиваются за грехи предков. Опять привёл тот же пример: мужик в тридцатые годы сбрасывал колокола с колокольни, на фронте пуля попала в рот, но не убила, что было бы самым простым наказанием, а выбила все зубы, так что есть он мог только жидкое. Так и жил, мучаясь, до глубокой старости. У дочери — куча болезней, по всем статьям давно должна была умереть, но мучается до сих пор: “Как бы я хотела умереть, батюшка. Отцовы грехи не пускают, ещё не замолены...”

Как и прежде, он меня ни в чём не убедил. Даже у большевиков “сын не отвечает за отца”. Почему же я должен расплачиваться за грехи Адама и Евы? Это справедливо только в том случае, если весь человеческий род — как бы один человек, живёт, меняясь поколениями, на протяжении многих веков, и потому мы отвечаем за грехи предков. И никто не вправе без воли Бога прервать эту нить. А я преступно её прервал. Но, может, я прервал её по воле Бога? Умерли раньше времени, молодыми, мои двоюродные братья, сыновья дяди Ивана, или не оставив никого после себя, или оставив только дочерей. Только дочери у моего брата. Может, Господь по каким-то страшным винам, о которых я не знаю, решил прекратить наш род?

Может, по этой причине, не признаваясь себе, я так боюсь того мира? На грани этих миров, на осмыслении их происходит разрыв души моей. Я знаю, умом знаю, что есть Господь, но сердцем, видимо, не верую в Него. Мне хочется верить, но я только верю. Но безоглядной веры нет, только интуитивное знание, да и то...

Я редко вижу сны и, как правило, не помню их. Но однажды, ещё при тебе, но уже с осознанием того, что почти без тебя, видел смутный сон, которому первоначально не придавал значения или просто заснул. И вот только сегодня, уже больше чем через год после твоей смерти я вдруг вспомнил, что, кажется, в ту ночь, прежде чем снова лечь и прижаться к тебе, я что-то записал в своём дневнике, который с некоторых пор веду лишь время от времени. И действительно, нашёл неровную, наискось, карандашом запись:

“Какая-то женщина неясно, но властно ведёт за собой. Сначала по кладбищу. В каком-то тумане. Потом стало много воды. Какой-то поток. Потом женщина мановением руки стала поднимать меня вверх. Что мне стало страшно от высоты. И я стал проситься обратно на Землю — и проснулся...”

Пройдёт больше года после твоей смерти, я по каким-то делам буду ехать по городу и неожиданно обнаружу себя припаркованным около ракового центра, хотя ехать мне было нужно чуть ли не в противоположную сторону. Так я за три года привык к этому страшному маршруту...

О смерти и о том, что тебя ждёт после неё, начинаешь всерьёз думать только тогда, когда она напрямую коснётся тебя, когда она вдруг опохнёт тебя своим холодным крылом. До этого о ней стараешься просто не думать.

После твоей смерти стал читать откровения так называемых святых праведников и старцев. Но чем больше они старались меня убедить в жизни после смерти и в существовании рая, почему-то тем меньше во всё это я верил.

Меня всегда поражала, возмущала заброшенность, запущенность русских православных кладбищ. А если уж погибла деревня, то кладбище ненамного переживёт её: уже через несколько лет распадётся ограда, и оно будет затоптано скотом, через какое-то время через него проложат дорогу или даже ЛЭП... Но, может, действительно, это не от расхристанности души, а оттого, как некоторые меня убеждают, что русские, православные, на каком-то генетическом уровне всегда знали, что мы на Земле только временные, что бессмысленно и даже преступно не только строить рай на Земле, но и более или менее благополучно обустраиваться на ней?

Но вон у католиков, протестантов какие кладбища ухоженные. Но ведь они тоже знают, что они на Земле временные!

Труды всевозможных праведников приводили меня в смущение, прежде всего, тем, что больно уж сладки до приторности их свидетельства о загробном мире, хотя они там никогда не бывали. Невольно закрадывается мысль: может, нас дурачат, обманывают, специально уводят с Земли, чтобы освободить место кому другому? Меня смущало и смущает, и это не даёт покоя, и я снова и снова повторяюсь, что иную жизнь почему-то всегда олицетворяют с вечной халявой, где никто ничего не делает, но где все сыты и счастливы, только разве не пьяны. Этаким счастливым дурдомом. Все моё существо, вся моя суть встают против этого, не хочу я жить или быть в этом счастливом дурдоме. И на том свете я хочу соучаствовать в общем труде, пусть даже в аду в качестве каторжника, к примеру, на каменоломнях, конечно, зная, что эти камни пойдут на строительство чего-то важного.

Не лукавят ли святые праведники, обманывая, прежде всего, самих себя, мечтая о вечном блаженстве? Не может быть счастья при вечном блаженстве. Зачем тогда душа?

Никто не может знать, что там, за гранью смерти, и потому не надо мне выдавать желаемое за действительное. Чем больше я читаю труды всевозможных праведников, тем более одолевает меня страх, что я становлюсь атеистом.

Я больше узнаю о том, Вышем, молча и благоговейно, без посредников, стоя перед иконами и свечами в небогатом сельском храме...

Если я не верую, то что меня время от времени заставляет идти в храм и, замерев телом и душой, стоять там, порой даже не вслушиваясь в смысл службы?

Самое тяжёлое в моей памяти о тебе, что ты так и не смогла понять, что порой обрушивающаяся на меня печаль никак не связана с тобой. Что эта необъяснимая даже самому себе печаль-тоска сидит во мне, может быть, изначально, как тоска по чему-то высшему, неведомому, но интуитивно чувствуемому, может быть, недостижимому, но без чего душа не может чувствовать себя счастливой. А ты, вместо того чтобы попытаться понять и разрушить это чувство, всё подозревала, что причиной тому — другие женщины, отчуждалась от меня, тем самым отталкивая меня от себя и усиливая эту тоску-одиночество. А я почему-то никак не мог тебе объяснить причину этой печали, может быть, потому, что сам не знал её причины, что ещё более вызывало у тебя подозрение.

Ты не могла понять, что я от рождения, — может, от нелюбви моих родителей друг к другу, — одинокий неприкаянный человек, которому не хватало тепла. И пойми ты это, мы были бы, наверное, как никто счастливы. А неверие твоё меня замкнуло в себе, и между нами как бы встала невидимая стена, которую мы так и не смогли преодолеть. Ты не могла понять, что, поверь мне, пригрей меня душой, я расплавился бы, как воск. Ты считала, что с появлением тебя в моей жизни я должен был постоянно улыбаться от счастья, но сама ничего не сделала для этого. Получалось, я мешал тебе быть самой собой, ты мешала мне быть самим собой. Так и жили, только в самом конце, на краю пропасти, кажется, поняв, что с обеих сторон это была нелепая гордыня. И чтобы понять это, нужна была твоя смертельная болезнь...

Любили или не любили мы друг друга? Или у каждого осталась неосуществлённой мечта об истинной любви, которая, видимо, не всем на Земле дана?

Но всё-таки откуда, почему во мне эта как бы изначальная печаль?..

Самое совершенное из искусств — музыка. Её язык понятен или непонятен всем, независимо от языка и расы, она не требует перевода.

Наверное, музыка — это язык того, высшего мира, о котором мы лишь смутно догадываемся. Может быть, музыка — это общий для нас всех на Земле язык, связующий с тем миром. Ничто, наверное, больше, чем музыка, не говорит нам о том мире. И по тому, какие метаморфозы претерпела музыка, за редким исключением, за последнее время, можно судить, что мы всё дальше и дальше от того, высшего мира. Мы всё ближе к Вселенской катастрофе...

Всего несколько лет назад, несмотря на то, что мне за шестьдесят, я летал во сне. Чуть ли не каждую ночь. Раскидывал руки в стороны и — летел... Это что-то вроде полёта на дельтаплане, только я летел на собственных раскинутых руках, да ещё для большей легучести распахивал рубашку. И так отчётливо всё было. Совсем не как во сне. Даже проверял, ощупывал себя, даже больно щипал себя: может, мне это действительно только приснилось, и убеждался, что нет, не во сне.

Как правило, начинал полёт от Круглого леса, от нашего огорода, с холма, который ты так любила, потому что с него открывались такие дали! Летел вниз в широкую речную долину, на холмы за ней, где лентой извивалась Великая Транссибирская железнодорожная магистраль, поезда змейкой пробегали подо мной, но я торопливо отплывал в сторону, боясь линии электропередач...

Порой поднимался так высоко, что становилось страшно, и скорее сбрасывал высоту, запахивая на груди рубаху...

А говорят, что летают во сне только в детстве...

Иногда опять приходит кошунственная мысль, что по ту сторону смерти ничего нет, что бессмертие души мы придумали для самообмана, для оправдания пустоты за гранью жизни, чтобы не так страшно было умирать...

Жизнь с тобой...

— Давай повременим с ребёнком, — сказала ты, кажется, на следующий день после свадьбы. — Я так устала, мне хочется хоть немного отдохнуть, хоть какое-то время пожить свободно.

А я обрадовался, вместо того чтобы возразить: ребёнок мог помешать моей недописанной книге, моим дорогам... Куда торопиться, у нас всё впереди... Это был наш первый и главный грех, из которого истекали все другие. И потому нет нам прощения... И потому мне нет прощения, потому как своим предложением подождать ты, может, проверяла меня.

Ты ушла раньше меня. Этому есть какое-то оправдание, если существует тот, верхний мир, и тебе в нём сейчас хорошо. А может, ты ушла в наказание мне? Потому что моя вина несоизмеримо больше твоей, и чтобы я мучился всю оставшуюся жизнь? Чтобы совершенствовалась моя душа? Но почему-то я этого не ощущаю.

Во мне осталось море неистраченной теплоты, которая тяжёлым грузом давит на меня. Я готов обрушить её на кого-нибудь, как бы в искупление вины перед тобой. Но не могу встретить того человека, которому это тепло было бы нужно, хотя вокруг меня ходят тысячи людей в поисках тепла.

Жизнь для самого себя потеряла смысл.

Неожиданно в твоём столе нашёл обрывок бумаги:

“Прощай, Дымка, мой неродившийся сын! Ты не зря приходил ко мне в этот мир из того, неизвестного мне, ровно на 9 месяцев, что отпущены природой каждой женщине. Ты хотел, чтобы я удержала тебя на этом свете, и Бог подеказывал мне: “Не уезжай. Твоё место тут, рядом с ним”. Я это чувствовала, я знала, что необходима тебе, но помимо своей воли уехала... Прости, я слишком часто в своей жизни шла на поводу чужих желаний, чужих интересов и стремлений.

Ты, моя частичка, помнишь ли, как я несла тебя по скользкой, ненадёжной земле, боясь уронить, потерять, как потеряла уже однажды, несколько

лет назад, катаясь в жутких схватках? Прости, мой маленький... Бог свидетель, я не хотела, я держала тебя крепко-крепко, хотя было мне очень тяжело. Так же, как тогда, когда ещё слабым комочком бился ты в утробе моей...

Прощай... Скоро я буду далеко, но от этого не стану думать о тебе меньше, может, даже наоборот, у меня будет свободной душа, чтобы проситься к тебе..."

Дымка — умерший от чумки щенок. Мы поняли, что он заболел, в воскресенье перед самым отъездом с дачи, когда мы уже запаздывали домой, а среди недели по каким-то причинам я не мог поехать на дачу. А когда приехали вечером в следующую пятницу с всевозможными лекарствами, не обнаружили его. Я пошёл по всему садовому посёлку в поисках его, искал до самой темноты, но не нашёл. Был уже конец октября, был первый настоящий заморозок, и трава была белой от инея.

Ты всю ночь не могла успокоиться:

— Если он ещё живой, где-то сейчас лежит на мёрзлой земле.

Я молчал, я был уверен, что Дымки уже нет.

Утром ты встала, чуть стало светать, я подумал, что, как обычно, в туалет, но тебя очень долго не было, я уже два раза подогревал поставленный на электроплитку чайник. Наконец ты появилась, не то что уставшая — совершенно вымученная и без сил повалилась на постель:

— Почти полкилометра несла, выбилась из сил, — сказала ты отчуждённо. — Ведь он, наверное, килограммов десять весит. Иди, что стоишь. Он вот там лежит, у посадки.

— А где ты его нашла?

— Плохо ты вчера искал. В лесу, у родника, в чилижнике...

Но уже никакие лекарства ему не помогли...

Сердце разрывается при чтении этого письма. Я не подозревал в тебе этой разрывающей душу тоски по детям. Ну, умер щенок — и умер. А он у тебя ассоциировался с неродившимся сыном, который стал выкидышем. Вот поэтому, видимо, ты не приходишь ко мне во сне. Потому ты не простила меня, потому ты мне ни разу не приснилась.

Может, ты бродишь там со всеми нашими собаками, которые были тебе вместо детей?.. Я снова и снова вспоминаю, как я уже отчаялся найти его и, в конце концов, перестал искать, а ты, больная, не переставала искать, представляя, как он лежит на мёрзлой октябрьской земле, и утром, надорвавшись, принесла его почти до самого дома, а потом рухнула на постель и долго не могла отдышаться. И, наверное, ещё не скоро смогла бы встать, если не надо было бы как можно скорее делать ему уколы, как оказалось, уже бесполезные...

Я знал, что всю оставшуюся жизнь буду жить с чувством вины перед тобой. Но я не подозревал, что чем дальше, тем больше чувство вины перед тобой будет обостряться.

Чуть ли не последние твои слова:

— Скажи что-нибудь...

А я молчал, как истукан. Так и осталась между нами эта напряжённая недосказанность.

Снова и снова точит мысль: тебя считали доброй, меня считают добрым, но почему мы не были добрыми друг к другу? Почему только в самые последние месяцы и дни мы, наконец, стали друг друга понимать? Чтобы там, в иной жизни, встретиться уже совершенно родными, когда друг другу ничего не нужно будет объяснять, когда мы станем как бы единым целым?

Читаю: "Хотя умершие находятся с нами в постоянном общении, мы, однако, ничего об их близости не подозреваем, пока не наступит час видимого доказательства тесной связи их с Землёй, по разным причинам продолжающей их притягивать. Одни, по своей материальности, ещё тяготеют к грубым её радостям и не могут подняться до более высоких, более духовных радостей, пока ещё им недоступных. Других около нас держит их привязанность к нам. Лучшие из них, то есть кто там уже достиг известного

духовного совершенствования, получают возможность незримо общаться с близкими своими, пока ещё живущими на Земле...”

В городской квартире, в которую мы въехали за пять лет до твоей смерти и в которую ты так не хотела въезжать, хотя, в отличие от прежней, она была большой и удобной, я не чувствую твоего присутствия, хотя всё в ней напоминает о тебе, начиная с двух твоих фотографий на столе: в юности и через полгода после операции, за год до твоей смерти. В саду же, который на самом деле был твоим главным домом и куда до самых последних дней твоих тянулась твоя душа, я постоянно чувствую твоё присутствие: в посаженных тобой яблонях, в осеннем хозяйском посвисте и постуке в окно синиц, в весеннем голосе кукушки, во внимательных, как бы укоризненных глазах полудикой собаки Динки, хотя она и родилась уже после тебя.

То и дело точит мысль: вот неожиданно умру или погибну в автомобильной катастрофе, или ещё как, кому всё это достанется: квартира, садовый дом?.. Даже не это сосёт, мучает, а то, что чужие люди будут копаться в моих вещах, бумагах, письмах, в твоих фотографиях. Поскорее выбросят всё на свалку, чтобы скорее занять квартиру, а то вдруг объявятся какие-нибудь родственники. Откуда им знать, что родственников нет...

Письмо Валентина Григорьевича Распутина: “Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо — поднимаешься и садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге понять не можешь, куда и зачем идёшь. Все писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) — некрологи, воспоминания об ушедших, предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось, прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восполнить силы, приступают бесцеремонно: “Ты должен!..” Должен не должен, а не могу, и вернётся ли то чувство долга, не знаю.

Удивляюсь я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим верить, чем веруем на самом деле. Во мне это тоже есть, пытаешься погрузиться — и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и серьёзно верующими обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: “Да вы веруете больше, чем верующие по всем буквам веры”. Но я то знаю, что это не так и что своей откровенностью ставлю нашего добрейшего владыку в неловкое положение...”

Снова и снова вспоминаю, как тебя забирал из ракового центра, уже окончательно выписанную — умирать.

Главврач великодушно предложил оставить тебя умирать в так называемом паллиативном отделении, как он хвалился в вечерней газете, чуть ли не лучшим в России. Я поспешно отказался. Без всякого сомнения, я забрал бы тебя из любого самого престижного хосписа, человек должен умирать дома, если, конечно, он у него есть, умирать же в таком паллиативном отделении не пожелаешь и врагу: плотно приставленные друг к другу, как, наверно, в тюремной камере, только второго яруса нет, еле протиснешься между ними, кровати в маленькой душевной палате, разгороженной напололам шторой-ширмой, может, эта ширма во всевозможных отчётах и справках даёт право отчитываться о наличии двух палат. Напротив, через коридорчик, такая же мужская палата. Из-за духоты встречные двери открыты, и ночью какой-то мужик, перепутав двери, пытался лечь рядом с твоей соседкой и немало удивился, что его кровать занята.

Вывозил я тебя к машине в выданной мне как бы напрокат больничной коляске чёрным ходом на хоздвор, чтобы не видели тебя только что поступающие или ждущие очереди в раковый центр, чтобы раньше времени не узнали, что большинство из них ждёт в скором или в сравнительно скором будущем. Попадавшиеся в коридоре врачи и медсёстры, ещё неделю здоровавшиеся с тобой, молча расступались, смотрели как бы сквозь нас, делали вид, что не замечали нас, так как ты уже была вычеркнута не только из списков ракового центра, но и из списка живых, и теперь своим видом только ранила живущих. Голова твоя в нелепом моднецком парике уже почти не держалась на истончённой шее, заваливалась то в одну, то в другую сторону, и ты стеснительно, как бы извиняясь, что ставишь людей в неловкое положение,

поправляла её столь же истончёнными дрожащими руками. Через чёрный ход, кроме медперсонала, просачивались навещающие вне положенного времени своих родственников, и они с ужасом, примериваясь на себя, смотрели на тебя. А ты улыбалась виновато, что своим безнадёжным видом портишь всем настроение, и всё пыталась прямо держать голову, а она всё заваливалась и заваливалась то в одну, то в другую сторону...

Жизнь без тебя...

В саду прихватил приступ головной не столько боли, сколько дурноты — до тошноты и сердечной тяжести, что ложись и умирай. Так бывало у меня и раньше — при резкой смене погоды, когда южный ветер вдруг менялся на студёный обжигающий северный: на резкое изменение атмосферного давления не успевают реагировать сосуды мозга — последствие тяжёлой травмы головы и контузии в юности, после чего я только на четвёртые сутки пришёл в сознание, обнаружив себя в реанимации, и не мог объяснить ни врачам, не следовательно, что со мной случилось. “Тяжёлая посттравматическая амнезия, иначе говоря, потеря памяти, — объяснил врач не поверившему мне, что я ничего не помню, следовательно, — со временем может вспомнить”. — “Когда это может произойти?” — “Может, завтра, может, через годы”. Я не вспомнил ни завтра, ни через годы, я и сейчас не знаю, что тогда со мной случилось...

В такой момент действительно можно неожиданно умереть. Но ты знала, как быстро и действенно снять такой приступ, а без тебя я сейчас не знал, что делать, растерянно копался в куче оставшихся после тебя, в большинстве своём уже просроченных лекарств и без особого сожаления готов был умереть.

Одно было только сожаление: на кого останутся твои собаки?..

Я один в лесном садовом посёлке. Приехал на выходные дни покормить собак: сторож на выходные уехал в город, машину оставил в деревне, дальше на лыжах. Не могу уснуть. Выхожу в морозную лунную хрусткую ночь, искрится иней на ветвях берёзы, белым облаком нависшей над моим домом. Выше — неясные мерцают звёзды, словно что-то говорят, в том числе мне, хотя знаю, что это всего лишь раскалённые сгустки плазмы, подобно нашему Солнцу. Знаю, но душой почему-то не соглашаюсь с этим, сейчас в лесном одиночестве они для меня живые. Друг детства, академик-химик, на днях поздно вечером, совершенно трезвый, позвонил мне на полном серьёзе: “Американцы запустили телескоп “Хабл”. Установили, что Солнце наше потухнет через 34 миллиарда лет, и мне стало грустно”.

Странно томится душа. Она томится с детства, с самого первого дня, сколько помню себя. Даже в самые счастливые дни моей жизни, когда мне было хорошо, по крайней мере, мне так казалось, ей всё равно чего-то не хватало, она всё равно томилась по чему-то неизвестному...

Неожиданно для себя, запрокинув голову в звёзды, говорю вслух:

— Не может у человека не быть продолжения после смерти, если всю свою жизнь, если до последнего дня своего он живёт с ощущением, что если не всё, то, по крайней мере, самое главное у него ещё впереди. Если с самого первого и до последнего дня у него томится душа по чему-то неосуществлённому, если душа, по себе знаю, не стареет, и с каждым годом всё больше противоречие между по-прежнему юной душой и дряхлеющим телом. Оно становится как бы лишним ей. Душа по-прежнему, как в детстве, томится по чему-то неизбывному, для чего она на самом деле рождена и предназначена, но получается, что при этой жизни это по какой-то причине оказалось неосуществимым. Откуда у человека это стремление в небо, которое для его земных жизненных потребностей совершенно не нужно, откуда — пусть примитивное, на уровне технических средств, вроде полёта Гагарина?..

Зашевелились под верандой собаки, встревоженные моим голосом. Чувствовалось, как им, наконец-то по-настоящему сытым, не хотелось выбираться из тепла на мороз, что я поторопился успокоить их:

— Спите, спите, это я сам с собой... Это я — с небесами...

Собаки, кажется, поняли меня и успокоились, только благодарно постукали хвостами о стену дома.

В подтверждение своей вслух высказанной в ночи мысли в следующий вечер неожиданно нахожу в одной из умных книг, трактующих святоотеческое учение: “Желание жить всегда, которое находится в сердце каждого человека, дано Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертие души, как бы первое побуждение готовиться к жизни будущей. Желание жить связано с желанием счастья, которого ждёт всякий. Эта жажда счастья полностью не утоляется здесь, на Земле, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца. Но счастья мы ждём беспрепятственно. Но никто не может дать нам его. Неужели это счастье нигде не существует? Ужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения когда-нибудь удовлетворить его?..”

Смерть некогда будет истреблена. Таким образом, смерть представляется явлением временным и ненормальным. Смерть не есть установленный закон для человека. Смерть, как бы мы ни рассматривали её, — зло, а зло Бог не мог сотворить. Напротив, всё, сотворённое Богом, найдено Им самим прекрасным: “И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо, весьма”. Ужели самый способ создания человека, природа которого, духовная и физическая, образует одно существо — человеческое, показывает, что смерть как расторжение двух природ его не входила первоначально в планы Божьи. По творческому плану Бога сущность человеческого существа должна состоять не из одного духа и не из одного тела, а из того и другого вместе, в неразрывном союзе и согласии: “И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою”. Святое Писание ясно показывает, что человек даже и по телу создан для жизни бессмертной, когда говорит о древе жизни посреди рая, вкушая от плодов которого человек и телом был бы безболезнен и бессмертен навсегда...”

Отрываю глаза от книги, чтобы осмыслить прочитанное. Ему не противится вдунутая в меня при рождении душа, а, наоборот, вдумчиво, трепетно внимает.

А вот следующее утверждение не по силам мне осмыслить, и оттого тревожно мне: “Между тем сам Бог, давая заповедь нашим прародителям от невкушения плодов от древа познания добра и зла под угрозой смерти, тем самым показывает, что люди могли избежать смерти и могут избежать истинной смерти, если они будут исполнять данную им заповедь”.

А зачем Он тогда взрастил в раю древо, на котором одновременно познание добра и зла? И почему Он вообще попустил существование наряду с добром — зла? Я тшусь, но никак не могу понять, моя мысль словно упирается в стену или висит в пустоте, и оттого рождается отчаяние и раздражение. Почему Господь дал первому человеку возможность совершения греха? Решил проверить его? И тем самым его первородный грех стал неотвратимым грехом всего человечества до скончания века: человек ещё не родился, а он уже грешен?

И ещё: “По выражению Макария Великого, “до падения человека тело его было бессмертным, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебели и тяжести, чуждо греховным и плотским ощущениям, ныне ему естественным”. Чувства его были несравненно тоньше, действия их были несравненно обширнее и вполне свободны. Облечённый в такое тело, с такими органами чувств человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою. Он был способен к общению с ними, а также к тому боговедению и общению с Богом, которые сродни святым духам. Святое тело человека не служило для него препятствием, не отделяло его от мира духов. Человек, облечённый в тело, способен был для жительства в раю, в котором ныне могут пребывать одни святые и одними душами своими, с которыми по воскресении соединятся их тела. Тогда человек снова вступит в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое одновременно было и тело, и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по его воскресении.

С падением изменились и душа, и тело человека. В собственном смысле падение было для них вместе и смертью. Видимая и называемая нами смерть, в сущности, есть только разлучение души с телом, прежде всего уже умерщвленных отступлением от них истинной жизни Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечною смертью. Мы не чувствуем, что мы убиты по общему чувству мертвецов не чувствовать своего умерщвления. Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ естественного мира, его дебелисть — суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных, оно существует жизнью своего падшего естества. Оно служит для души темницей и гробом”.

Я пытаюсь всё это понять и принять, но если в какой-то мере понимаю и принимаю, то больше умом, чем сердцем. И почему я должен принимать безоговорочно утверждение Макария Великого? Его утверждения, пусть даже если они результат какого-то внутреннего зрения, видения, совершенно не доказательны, не подтверждены никаким опытом, в который я мог бы безоговорочно поверить. Это не больше, чем, пусть даже гениальное, предположение. Зачем мне всё это навязывается как безоговорочная истина, при этом постоянно присутствует какая-то недосказанность, которая, во-первых, даёт мне возможность сомневаться в сказанном, а во-вторых, по-разному трактовать сказанное?

Пользуясь этой недосказанностью и почему-то заложенной во мне изначально, ещё с прародителя человечества неспособностью отличать на древе познания добро и зло, мне, ищущему истину, то и дело подсовывает другие книги, тоже якобы проповедующие истину, цель которых — заставить меня усомниться если не в истинности существования загробного мира и явлении Иисуса Христа, то пытаются убедить меня в том, что его учение устарело. В этом ряду неожиданно для меня оказался и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, вроде бы неглупый человек, но который однажды вознамерился переписать и Иисуса Христа, и Конфуция, то есть заменить их собой. В его ранней дневниковой записи, относящейся к 1855 году, я поражённо наткнулся: “Ныне я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навёл меня на великую и громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но обещающей блаженство на Земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут её в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня”.

Но мало ли что не приходит нам в голову в молодости, в молодости нами часто руководит гордыня. Меня поразило, что с годами Толстой не распрощался со своими нелепыми и кощунственными, по мнению не только Церкви, идеями, а, наоборот, только укрепился в гордыне. Уже будучи, мягко говоря, в преклонных годах, за три года до смерти он уже поставил себя на место Христа, даже пытался заменить его: “Прежде я не решался поправлять Христа, Конфуция, Будду, а теперь думаю: я обязан их исправлять, потому что они жили 3—5 тысяч лет назад”.

Другие меня пытаются убедить, что Евангелие было извращено апостолами: неважно, по хитрости или не из-за непонимания. Признаюсь, мне порой тоже приходят подобные мысли. Третьи между первыми и вторыми снова и снова мне подсовывают ядовитую мысль, что утверждение о загробном мире — всего лишь сладостный самообман, а на самом деле там пустота. И потому, пусть духовно совершенствуюсь, нужно жить — да, по совести, — но только настоящим и брать от жизни всё возможное здесь, на Земле, потому что никакой другой жизни не будет, кроме как в памяти ещё оставшихся жить. А вот при встрече на улице практически силой всучила мне подобную книгу одна из твоих помешанных на эзотеризме и в то же время ходящая в церковь подруга:

— Это тебе обязательно нужно прочитать!

Я знаю, что в голове у неё полный хаос, там перемешались Библия, Блаватская, и, разумеется, Рерих и ещё много кто, только, наверное, чёрт знает всех. У меня было желание выбросить книгу сразу же после дарения в первый встретившийся на пути мусорный контейнер, я не сделал этого только из уважения к книге как таковой. Толстенная книга некоего А. Клизовского, которая так и называется “О смысле жизни”. Вызывая у меня раздражение и в то же время притягивая к себе, как магнит, она долго лежала на журнальном столике. Наконец из любопытства заглянул в предисловие: написана в преддверии Второй мировой войны, её автор за свои убеждения погиб в советском концлагере. Книга стараниями его последователей и издателя, то ли разделяющего их взгляды, то ли уверенного, что книга непременно принесёт ему доход, издана огромным по нашим временам тиражом. Перед сном, чтобы, наконец, решить судьбу книги, открываю: “Вопрос о смысле жизни принадлежит к числу вечно волнующих, неразрешимых и роковых вопросов, которыми вот уже несколько десятков столетий болеют народы западного мира. Вопрос этот встаёт перед каждым, достигшим известного развития человеком рано или поздно, на заре или закате жизни неизбежно...” Чтение увлекло меня, но чем дальше, тем яснее понимаю, что это очередная масонская уловка, скрытая под красивые одежды, вкрадчивый тайный смысл которой: давайте объединимся в общей вере, но без Иисуса Христа, который устарел, в общем боге, которого нет, но мы от имени его вместо него будем править вами.

Но по инерции ещё продолжаю читать: “Особенностью языка священных писаний нужно считать то, что истина сообщается людям не в чистом виде, но прикрыта символами, что даёт возможность всякому понимать скрытую символами истину сообразно своему развитию. Необходимость символического языка для сообщения людям трансцендентных истин вытекает из того, что религиозное учение даётся не для одного поколения, не для сотен, не на один век, но на десяток веков, в течение которых в каждый данный момент существуют люди разного умственного и нравственного развития...”

Полностью согласен с последним утверждением, меня не однажды посетила эта мысль: почему Истина, коли она истинна, если с нами не лукавят, дана нашему несовершенному уму символами? Ведь именно язык символов — причина многочисленных толкований Истины. Именно язык символов — основная причина появления бесчисленных сект, трактующих Истину, кто как понимает или кто как лукавит, искажая её порой вплоть до обратного смысла. И невольно встаёт вопрос: тогда Истина ли это, раз её прячут за символами, которые можно трактовать как угодно? И цель вышеприведённой хитрой тирады Клизовского — снова разбудить давно отвергнутые мной или дремавшие во мне вопросы, посеять сомнение, после чего можно уже в открытую идти в наступление, навязывая свою доктрину. И я отчуждённо отодвигаю в сторону эту книгу, определив её в мусорный контейнер, а потом передумал: увезу на дачу, сожгу в печке или костре. Но в голове она всё-таки против моей воли застряла, заронила ядовитые семена.

Ежегодно издаются, переиздаются и вновь пишутся десятки, сотни подобных книг о смысле жизни, о том, что будет с нами после смерти, вроде бы не отрицающих Христа, а как бы наоборот, продолжающих его, но хитро заставляющих сомневаться в Его истинности...

В этом ряду особое место занимает учение Николая Рериха, от посредственных картин которого веет ледяным холодом, именем которого заморочены головы миллионов людей, — далеко не безобидная, если не сказать — страшная по своим целям рериховская секта распустила свои щупальца по всему миру, её замороченные агенты не хотят слышать, что рериховская экспедиция на Тибет в поисках Шамбалы была экспедицией ОГПУ и истинным руководителем её был безызвестный террорист и оккультист Яков Блюмкин. Учение “Живой этики” Елены Рерих — не более как сладко-ядовитая масонская антихристианская мистификация, рассчитанная на сомневающийся и простодушных. (Из поздних изданий благоразумно была вычеркнута саморазоблачающая сказка о “письме” великих махатм (учителей) Индии

к великому махатме Ленину.) Этой идеей был одурочен душевно больной Адольф Гитлер, который не верил ни в какой национал-социализм, а замороченный оккультистами, на самом деле служил несуществующим так называемым Высшим Неизвестным, их на самом деле нет и не было, а он их имел под чьим-то хитрым руководством пытался загнать в единый концлагерь всё человечество планеты...

В конце концов, я стал обходить стороной любые книги о смысле жизни, подозревая в них если не явный, то скрытый обман...

Жизнь без тебя...

Как обычно, в сумеречной тишине, о чём-то глухо и согласно переговариваясь между собой, над нашим лесным домом протянули два ворона, семейная пара. Так низко, что был слышен посвист крыльев. Как помню, вороны пролетели над нами в первый день, когда мы, оформив землю, поставили палатку на лесной поляне, и я стал копать ямы под столбы для ограды. Тогда они, видимо, нарушили свой обычный облёт: пролетели над поляной взад-вперёд несколько раз, пока не убедились, что это не случайная палатка туристов, а в их лесных владениях на постоянное жительство объявились новые жители. Я всегда задавался вопросом: где они умудряются гнездиться в нашем давно разреженном, без старых деревьев лесу? Неужели, совершая свой каждодневный вечерний облёт, они прилетают откуда-то издалека?

Как известно, вороны живут до трёхсот и более лет. Эти вороны жили здесь, чувствуя себя хозяевами, до нас, они пролетали над нами каждый вечер в сумерках при тебе, сейчас они пролетают над нашим домом каждый вечер без тебя, и я, невольно вспоминая о тебе, думаю, что так же они будут пролетать после меня. Я полагаю, что с высоты своего полёта, а главное, с высоты своего жизненного долголетия они снисходительно смотрят на нашу быстротечную человеческую суетную жизнь. Я не знаю возраста наших воронов, но, если они уже в возрасте, то могли быть свидетелями братоубийственной гражданской войны, ведь самые жестокие бои на Восточном фронте проходили именно в этих местах, а может, даже не менее братоубийственной Пугачёвщины. Что они думают о нас?

Пришла третья весна после тебя. Сегодня возвращался с дачи. В высоких болотных сапогах, так как в низинах ещё лежал глубокий снег, пробирался пригорками, которые вытаяли лишь местами, в деревню, где оставил машину. Вспоминал, что раньше мы с тобой пробирались именно этим путём.

Невидимые глазу жаворонки торжествовали в небе. Низкие печальные полупрозрачные облака стелились над холмами, из них изредка сыпался еле осязаемый дождь. Солнца не было, но какой-то необыкновенно грустный, но в то же время торжествующий свет окружал меня. И сейчас, весной, я снова вспомнил тот октябрьский день, когда мы с тобой с этой горы шли на электричку: перейдя внизу убранное пшеничное поле, оглянулись назад на полыхающую золотом и багрянцем гору и с редким ощущением счастья и взаимного согласия, но словно предчувствуя, что впереди у нас что-то грозное, роковое, поцеловались и поклялись: “Давай запомним этот день!”

Я буду помнить этот день до конца дней своих. Помнишь ли ты его там?..

Господи, всё-таки как хорошо на Земле, несмотря ни на что! Как всё-таки прекрасна Земля! И не может того быть, чтобы мы уходили с неё безвозвратно! Не могу согласиться с тем, что мы только гости на ней! Как можно от такой красоты уходить навсегда?! Неужели мы никогда ни в каком качестве не вернёмся на неё? Иначе какой смысл нашей сегодняшней жизни, если мы никогда сюда не вернёмся?

Почему-то хочется верить, что мы отправлены на Землю не только на исправление, как в ГУЛаг, но и для того, чтобы мы приутожили Землю к чему-то очень важному, красивому, может, ко второму пришествию Христа и к нашей новой жизни на Земле вместе с Ним. Иначе какой смысл в нашем украшении Земли? Иначе почему так разрывается душа от печали, от одной только мысли будущего прощания с ней?

Как бы подтверждение этой мысли нахожу у преподобного Максима Исповедника. Он пишет, что по замыслу Бога в задачу человека входило привести мир к ещё большей гармонии, слаженности и единству. По его мысли, человек был призван последовательно преодолеть в себе разделённость мира. Максим Исповедник недвусмысленно пишет, и эту мысль, волнуясь, горячо принимает моя душа, что человек должен был соединить рай со всей Землёй, то есть, нося всегда рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен был превратить в рай всю Землю. После этого ему предстояло уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединить Землю и Небо. Может быть, мы, умирая, всё-таки не навсегда покидаем Землю? Может, это не противоречит идее Бога о человеке? С этой мыслью мне будет легче умирать.

Или всё-таки мы на Земле — дети в песочнице, оставленные, с умыслом или без умысла, без присмотра? Вы хоть однажды замечали, как ведут себя дети в песочнице, оставленные без присмотра? Уже через полчаса определится, кто сильнее, и в лучшем случае всё обойдётся только слезами. Не потому ли рушится всё, что мы строим на Земле: дома, города, государства, империи, — что строим всё из песка и на песке, а думаем, что строим вечное?

Старец Амвросий Оптинский: “Господь только тогда прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в Вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление”. Это изречение очень любят повторять священники. У меня это вызывает невольную усмешку: получается, что если хочешь подольше побыть на этом свете, нельзя быть уж совсем откровенной сволочью, и в то же время не надо стремиться, а наоборот, даже надо остерегаться попасть в праведники, надо — где-нибудь посередине...

На даче зимой метельной ночью, мучаясь от бессонницы, стал рыться на книжных полках, но не хотелось читать ничего серьёзного. Так я перебирал книгу за книгой и наткнулся на книгу И. Халифмана “Шмели и термиты”, вышедшую в уже незапамятные времена в издательстве “Детская литература”. Во время строительства садового дома я с интересом перечёл раздел “Шмели”. Эти удивительные, любимые мной с детства, пушистые ласковые создания сразу же обжили только ещё достроенный нами дом, чем-то понравился он им. По осени они забирались зимовать в его щели, а по весне, просыпаясь и обманувшись печным теплом и электрическим светом, выбирались не на улицу, а по только им ведомым щелям внутрь дома. Убедившись, что обманулись, они, стремясь на волю, начинали, недоумённо и недовольно гудя, биться в оконные стёкла; я осторожно брал их носовым платком или полотенцем, на что они сердито, но не обречённо гудели, видимо, были уверены, что я не нанесу им вреда, и, открыв форточку, отпускал их на волю; они, улетая, благодарно, так мне казалось, бились.

Помню, перелистал я тогда и раздел о термитах, но так как в наших краях термиты вроде бы не водились, читать не стал. Теперь же неожиданно для себя, пропустив раздел о шмелях, я стал читать раздел о термитах и, не отрываясь даже на ужин, прочёл до конца. Я прочёл его как бы применительно к человеческому смыслу жизни, как и к смыслу жизни вообще на Земле. Мы эгоистично думаем, что мы единственные разумные на планете, и уж точно, — главные. Всё остальное существует лишь относительно к нам. А рядом с нами, оказывается, существуют другие цивилизации, например, цивилизация термитов, как, впрочем, и цивилизация муравьёв, на которых мы не обращаем внимания, уклад общества у которых, может, совершеннее, или, говоря человеческим языком, человечнее, чем у нас. А может, и они на нас не обращают особого внимания, определив для себя нас, как мы для себя их, своего рода муравьями: существуют и пусть существуют?

Ну, ладно, существуют если не цивилизации, то сообщества пчёл, шмелей. Не трудно обозначить их необходимость, полезность человеку: они собирают мёд, опыляют растения. А зачем Бог создал цивилизацию термитов? Оказывается, рядом с человеческими городами существуют города-термитники, большинство из которых, если можно так сказать, основаны раньше самых древних человеческих городов — некоторые города-термитники существуют пять

и более тысяч лет. Мало того, по всему, термиты появились на Земле раньше человека. А большинство из нас даже не подозревает о существующей рядом с нами иной цивилизации: ну, торчат и торчат из земли эти нелепые, на первый взгляд, мёртвые, никем не обитаемые сооружения, иногда на их поверхности появляются какие-то насекомые, а на самом деле внутри них тысячетлетиями течёт строго упорядоченная, по своему осмысленная жизнь, только обитатели этих странных сооружений принципиально отгородились от солнечного света, хоть опосредованно и питаются им, живут в вечном мраке, а может, отгородились и от нас. Учёные многих стран в разные века старались разгадать загадку термитов. В результате даже появилась целая наука — термитология, которая за сотню лет существования главного о термитах так и не смогла сказать.

Термиты, появившиеся на Земле раньше человека, в отличие от людей, не воюют между собой, но зато воюют с муравьями, которые появились на Земле позже на несколько миллионов лет. У термитов, как у людей, существуют расы, своего рода народы. Зачем?..

“Вот уже больше ста лет мимо термитников в Австралии идут поезда. Люди смотрят на них в окно, большинство не догадывается, что рядом, под этими странными сооружениями, прячется от солнечного света другая, игнорирующая человеческую, таинственная цивилизация. Пока человек не трогает её, она не трогает его, но стоит даже случайно задеть её владения, она рано или поздно отомстит человеку... Специалисты, исследуя обстоятельства землетрясения в Ашхабаде в ночь с 5 на 6 октября 1948 года, пришли к выводу, что его последствия были бы не такими страшными, если бы дома не были подточены термитами. Внешне это было совсем незаметно. Город был подготовлен к катастрофе той болезнью строений, которую французы называли “термитозом”. Рисуя бедствия, обрушившиеся в 1875 году на остров Св. Елены, некто Д. С. Меллис писал: “Уничтоженный термитами город Джемстаун выглядел, как город, разрушенный землетрясением”.

У народов тропической Америки и Центральной Африки сохранились верования и обычаи, поддерживающие в людях страх перед обитателями термитников, убеждающие в безрассудности, бесполезности и опасности борьбы с этими коварными созданиями: “термиты находят обидчика даже под землёй, а если его не найдут, то накажут родных и близких”.

Термиты действуют скрытно. Скрытно, но безудержно и неотвратимо. Не случайно в странах Южной Америки старинные столбы на дорожных перекрёстках и сегодня ещё зывают к небу высеченными на каменных плитах словами молитвы, короткой как, крик души: “Боже, спаси нас от молнии! Боже, спаси нас от землетрясения! Боже, спаси нас от мучительной смерти! Боже, спаси нас от термитов!”

Я закрываю книгу. За тёмным окном метёт метель, постукивая ставней. Вспоминаю, что каждое лето стропила моего дома точит жук-древоточец: в своё время соблазнился, купил по дешёвке осиновые брёвна. Я вот уже больше двадцати лет безуспешно борюсь с ним. Эта мысль отвлекает меня от мыслей о цивилизации термитов, но я всё равно не могу заснуть...

Адам и Ева, вкусив с запретного дерева познания, тем самым, может быть, уже тогда положили начало самоуничтожению человека. Мы продолжаем вкушать с запретного дерева познания и шаг за шагом неотвратимо идём по пути самоуничтожения всё ближе к всеобщему концу: в этом ряду химическое, биологическое, ядерное, психотронное оружие, клонирование человека, манипулирование человеческим сознанием... Да, продолжая вкушать с запретного дерева познания, мало ли что мы ещё можем придумать, что может стать нашим последним шагом. Развитие науки, в каком греховном нравственном поле она с самого начала существует, — на самом деле не что иное, как ежедневное срывание запретных плодов с дерева познания. Совершив однажды этот грех, мы продолжаем и продолжаем совершать его, пока однажды, может быть, даже не успев осознать этого, враз не самоуничтожимся.

Вот уж действительно получится, что мы временные на Земле, как и вообще временные у Бога. А цивилизация термитов останется, если мы её не

уничтожим вместе с собой. Будет ли она по-прежнему выяснять свои отношения с цивилизацией муравьёв? Или они сумеют между собой поделить планету? А мы пришли и ушли, оставив после себя горы ядовитого мусора и превратив Землю в сплошной археологический памятник (для инопланетян?), как неудачный эксперимент Божий? Или ещё чей?

Зачем я в реквиеме о тебе — о термитах? Сам не знаю. Попала под руки книжка. Но может мне кто-то объяснить, какой о термитах был замысел у Бога, поселившего их на планете раньше человека?

Жизнь с тобой...

Когда ты уже была безнадежна и когда мы из ракового центра в очередной раз проезжали мимо дома на бывшей Бекетовской, где начинали жить вместе и прожили большую часть нашей совместной жизни (а я почему-то всегда упорно ехал этой улицей, только в самый последний момент спохватываясь, что снова и снова возвращаю тебя к воспоминаниям, которые лишней раз ранят тебя), ты молча смотрела на когда-то застеклённый мною балкон. На зиму я пристраивал на него какую-нибудь большую ветку, на которую привязывал пучки рябины и калины, а ниже пристраивал кормушку, в которую насыпал хлебные крошки и семечки. С приходом настоящих холодов на деревцо собиралось множество самых разных птиц: синиц, снегирей, свиристелей, разумеется, воробьёв; особенно птицы смотрелись в морозную ясную пору, и люди, идущие внизу, невольно поднимали головы и улыбались...

Теперь уже на чужом для нас балконе сушились детские вещи, но кормушку для птиц они оставили, даже не перевесили на другое место, и я весь сжимался от мысли, что сейчас происходит в твоей душе. Здесь мы были относительно счастливы. Здесь мы были несчастны, но почему-то никак не могли расстаться. Здесь мы совершили свои главные ошибки. Здесь прошла вся наша с тобой жизнь. Сейчас бывшую Бекетовскую переименовали в очередной раз. Это уже не наша с тобой улица. Рядом с нашим нынешним домом, незадолго до твоего ухода загородили забором старый дом, обречённый на слом. Ты жалела даже не столько дом, сколько ель, которая когда-то кем-то была заботливо посажена у подъезда и которая теперь была обречена на вырубку. Она, как и ты, доживала последние дни.

Ель срубили ночью, ещё при тебе, чтобы никого не ранить...

Жизнь без тебя...

В очередной раз приехали с твоей сестрой на кладбище.

Когда я вернулся от колонки с ведром воды, чтобы полить цветы, сестра, закончившая прибирать могилку, не смогла сдержаться слёз:

— Сколько воспоминаний, но одно не даёт покоя: уже в гробу у неё по щеке вдруг побежала слеза... Боже, как она не хотела умирать!..

Боже, как ты не хотела уходить из этого мира, когда поняла, как нужно было жить!

Снова и снова и вспоминаю, как ты была прекрасна в гробу, с лица ушли все следы страдания, оно было покойно и светло, ты была моложе, по крайней мере, лет на двадцать! Вот, кажется, ты вот-вот откроешь глаза и улыбнёшься. О твоей необыкновенной красоте говорили и врачи-патологоанатомы, подрабатывающие в похоронном бюро на бальзамировании умерших... Сделав своё дело, они какое-то время заворожённо смотрели на тебя и говорили между собой шёпотом, словно боясь тебя разбудить. Твоё прекрасное лицо без тени страданий, может, более всего говорило о существовании иного мира, иначе почему оно после твоей смерти было так покойно и светло, словно ты наконец нашла то, что всю жизнь искала?

Через три года после твоего ухода — на твой день рождения! — неожиданно пришёл приبلудный пёс Рыжик, которого мы давно считали погибшим или умершим от старости. Было это так: утром ещё в темноте на кого-то заворчал Дружок. Я открыл дверь веранды, мимо меня с писком прорвался на

веранду, а потом в дом с грязными ногами — ночью был дождь — Рыжик, пробежал в кабинет к топчану за печью, на котором мы с тобой раньше спали, но тебя там не было, жалобно заскулил и, опустив голову и прихрамывая, побрёл на кухню, где, свернувшись в комок, привычно лёг за печкой. Утром поел, поскулил-поскулил, потыкался из угла в угол, то и дело заглядывая на топчан. Всё так же поскуливая, послонялся по участку и, не заметили, когда, ушёл...

Под Новый год неожиданно уволился сторож Игорь. По всему, он заранее готовился к этому. Осенью под предлогом свозить в ветеринарную клинику куда-то увёз свою собаку. Самое неприятное, что, уходя, он даже не предупредил меня, а с ним мы вроде бы даже дружили. Я только случайно через полмесяца узнал, что Дружок и Динка остались беспризорными. Дружок ещё ладно, он будет ходить в соседний дачный кооператив, он там дружит с кем-то из сторожей или жителей. А вот полудикая собака Динка, оставленная твоей любимой собакой Динкой после себя мне в угрызение совести, никуда не отходит от дома. Прячется от всех, но никуда не отходит. Потому, отказавшись от предложения друзей вместе отметить Новый год, в последний день старого года, несмотря на бурю, еду в сад.

Новый год в обществе брошенных собак, в отсутствии электричества: всю предновогоднюю ночь завывал, метался буря и, видимо, где-то порвал электрический провод.

И всю зиму в любую погоду каждую субботу я вынужден ехать в сад: в деревне оставляю машину, встаю на лыжи и иду кормить собак. Динка по-прежнему не даёт даже погладить. Но, когда я ухожу, какое-то время на расстоянии идёт за мной, а потом ещё долго печально смотрит мне вслед, в то время как наевшийся до отвала Дружок преспокойно дрыхнет под верандой. Ты в образе полудикой собаки Динки так и не отпускаешь меня. Большинство знакомых, знающих о Динке, сочувствуют мне, спрашивают о ней, даже собирают для неё с Дружком кости.

Однажды я чуть не женился. Это было в другом городе. Я гостил у этой женщины. Пришёл день, и я сказал:

— Мне нужно ехать, я уже десять дней не был на даче. У меня там собаки голодные.

— А что с ними случится?! — равнодушно сказала она. — Собаки живучие.

Это меня остановило, не женился.

Никуда не деться и никогда мне не освободиться от памяти о тебе и обо всём, что связано с тобой. Снова и снова пытаюсь осмыслить твою клиническую смерть за десять лет до истинной, необратимой, когда наша последняя поздняя попытка родить ребёнка окончилась страшным маточным кровотечением и выкидышем. Что это, Бог тогда хотел тебя взять к себе, но потом посчитал, что ты ещё духовно не созрела для той жизни, что ты ещё должна помучиться на Земле, осознавая свои грехи? Потому как, вычитал я в церковных книжках, “иногда, по неведомому Промыслу Божию, человеку даётся возможность пройти “сень смертную” и на время вернуться назад, в мир живых. Таким образом Господь помогает душе в деле нравственного самосознания и самоопределения, зная, что такой урок будет духовно полезен человеку, который оценит эту милость Божию и дальше будет жить по Его заповедям и воле, заботясь о внутреннем очищении”.

Мне остаётся жить надеждой, что после всех твоих земных страданий, многим из которых я виной, тебе там хорошо. И если, забирая к себе, Бог не отбирает у нас память о земном, я знаю, ты всё равно тоскуешь о нашем саде, о наших собаках, о деревьях, посаженных тобой, о щемящих земных горизонтах, которые, может, как раз и зовут в мир иной, о том — 19 октября 1994 года — необыкновенном, печально-торжественном, казавшемся нам неземным, а на самом деле самом земном свете, которым светилась, польхая золотом и багрянцем, наша роща... Может быть, вспоминаешь обо мне...

Может, нужно было тебе дать прочесть эту книгу — “Жизнь после смерти”? Другие подобные книги. Сейчас вот думаю: как ты отнеслась бы к этому? Легче тебе стало бы после прочтения их? Мы с тобой старались вообще

избегать разговоров о смерти, даже в последние твои дни, словно этим могли обмануть её. И я, читая тайком подобные книжки, прятал их от тебя. А может, на том свете всё совсем не так, как в этих книжках, и встреча с загробной действительностью после них стала бы горьким ударом?

Безнадёжно больной раком совершил самоубийство, оставив записку, что покончил с собой не потому, что больше не мог терпеть страшные боли, а потому, что не хотел другого мира, пусть даже рая.

Читаю: “Однажды, когда старо-афонский старец Порфирий после очередной болезни начал восстанавливать свои силы и стал принимать посетителей, он рассказал удивительную историю.

— Когда я был молод, — сказал он, — то молился Богу, что если Он когда-либо попустит мне заболеть, чтобы этой болезнью был рак. Ты знаешь, рак — это лучшая из всех болезней. Другие заболевания ты не принимаешь всерьёз, надеешься, что скоро поправишься, и обычно внутренне ничуть не меняешься. Однако, когда ты знаешь, что у тебя рак, тогда ты говоришь сам себе: “Вот и всё. Вот и конец. Не надо себя обманывать. Теперь я ухожу”. Люди не могут тебе помочь, и ты в одиночестве стоишь перед Богом. Единственная твоя надежда — в Нём. Ты хватаешься за эту надежду и спасаешься. После моей неудачной операции на глазу и после применения огромных доз кортизона я ощутил в голове как бы взрыв. Мне показалось, что мой череп разорвало на мелкие части. Боль была страшной. Я подумал, что Бог услышал моё старое прошение, и это рак. Но увь... Ты знаешь, я прекратил эту молитву о поущении мне рака после того, как рассказал о ней одному епископу, и он меня упрекнул, сказав, что за этой молитвой кроется эгоизм... Но боль была очень сильной. Это было прекрасно...”

Неужели только в великих страданиях и скорбях, а не в радости, прежде всего, возрастает и готовится к иному, высшему миру душа?

Только сейчас, по прошествии времени, я осознал, что после клинической смерти ты стала другой, а я этого в суете жизни не заметил. Прежде всего, изменилось отношение ко мне. Оно стало вроде отношения матери к не очень удачному, уже взрослому ребёнку, воспитание которого безнадёжно упущено, и надо воспринимать его таким, какой он есть. После клинической смерти ты не то чтобы простила все мои грехи, а стала смотреть на них иначе, с чувством, что уже ничего нельзя изменить. Я только потом, с опозданием понял, что ты тогда не совсем вернулась с того света и на этом жила уже с памятью смертной, которая тебя вроде бы должна примирить с будущей смертью, а ты, наоборот, ещё больше хотела жить. Но жить, пусть с запозданием, в согласии с собой и со всеми. Твоим единственным миром стал наш сад и, потому как у нас не было детей, наши собаки, которые тебе заменяли детей. Ты не раз с горечью повторяла, что по молодости-дурости выбрала не ту профессию, что тебе нужно было стать врачом, скорее, даже — ветеринарным врачом, так как животные, в отличие от людей, ни в чём не виноваты.

Я только сейчас многое стал понимать. Но зачем мне сейчас это понимание, которое приносит только запоздалую боль? А может, как раз смысл в этой боли? Может, это тоже своего рода подготовка к другой жизни? Может, поэтому Господь ещё держит меня на этом свете?..

Мысли вслух...

А всё-таки: надо ли человеку постоянно напоминать, что он смертный?

Не всякому это по силам — постоянно жить с этим чувством. Для одних это, как утверждают, благодатная память смертная, ограждающая от грехов. Других же, и их, возможно, большинство, маловерующих или вообще неверующих, это прижимает к земле, понуждает или потакает торопиться жить, наоборот, разрешает совершать грехи, в том числе самые смертные...

Церкви — представительства, почтовые станции того света на Земле? В них через священников, какими бы они ни были, или напрямую люди общаются с Богом. Раковые центры — тоже своего рода представительства, почтовые станции того света на Земле...

Включаю телевизор: передача о переселении душ. Люди видят себя в прошлой жизни, даже на других планетах. И некоторые случаи, примеры настолько убедительны, что не знаешь, во что верить. Когда, например, душа — или что иное? — девочки, погибшей в России, вдруг вселяется в тело девочки, пережившей клиническую смерть в Казахстане. Придя в себя, она не узнает своих родителей, зато признала за своих родителей и родственников девочки, погибшей за тысячи километров от её дома в России. И теперь живёт то там, то там — на два дома

Это противоречит основам веры в Иисуса Христа, принимаемого нами за единственную и вечную истину, но это — действительный факт.

Как бы, наконец, опомнившись и в какой-то мере освободившись от разрушительной большевистской химеры, с причинами внедрения которой в России при всей их внешней очевидности мне далеко не всё ясно, в том числе в вопросе, за какие страшные грехи Всевышний наказал нас ими, люди начали искать свои земные корни, составлять родословные. А зачем вроде бы искать свои земные корни, уходящие в неведомые века, если мы всего-навсего временные на Земле? Значит, мы подспудно знаем, что на неё когда-то вернёмся?.. Значит, для чего-то или для кого-то это нужно, разумеется, прежде всего, для нас самих, — но это в том случае, если мы не временные на Земле, — чтобы не прерывалась связь времён, чтобы род тянулся из века в век...

Но в то же время по какой-то причине, порой, нам кажется, не зависящей от нас, прерывается не только род, но и жизнь целого народа, даже целой цивилизации, да так, что о существовании её даже не подозревают или только смутно догадываются потомки: как бы произошла непредвиденная утечка информации. Потому что как бы специально сгорают в пожарах древние библиотеки, где хранились сведения об этой цивилизации, словно кто-то специально стёр память о ней для потомков, как, например, случилось с легендарной Атлантидой. Может, могущественная и процветающая с виду, она погрязла в таких грехах, в таких нравственных неизлечимых болезнях, которые, подобно чуме, а может, страшнее её, передались бы потомкам?.. И так как уже ничего невозможно было исправить, легче было её уничтожить целиком страшным землетрясением, извержением вулкана или чем-то подобным и сделать всё возможное, чтобы о существовании её в будущем даже никто не догадывался...

Мы, русские, в большинстве своём не знаем, не помним своих корней, словно это нам не надо, словно мы действительно временные на Земле. Например, в отличие от татар, с которыми уже много веков живём не просто рядом или даже вместе, но и повязаны одной судьбой. Они, в отличие от нас, как правило, независимо от сословности, помнят своих предков до седьмого колена, а многие и того дальше.

Мы же, русские, до последнего времени в большинстве своём бывшие крестьянами, — и до тех пор мы останемся русским народом, пока его основой будут крестьяне, — преимущественно беспамятны, никогда не вели родословных, в лучшем случае помнили лишь прадедов. Может, это неслучайно? Как и неслучайно заброшены наши кладбища? Это доказательство нашей ущербности? Или лишнее доказательство того, что как народ мы — не от мира сего и острее других, бессознательно, на генетическом уровне чувствуем, что мы временные на Земле и потому так равнодушны к своей земной судьбе? Но почему же тогда наши предки, по природе и сути своей будущи земледельцами, то есть всем своим существом наиболее привязанными к Земле, определили себя народом Христа — крестьянами? Но крестьянин — не просто земледелец, исповедующий Христа, но и добровольно разделивший, несущий вместе с ним его крест. Понятия христианин и крестьянин до последнего времени на Руси были синонимами. Случайно ли это? Русский народ чувствовал себя одновременно народом этого и того мира. Может ли такой народ быть временным на Земле? Зачем же нас так упорно зовут с Земли, соблазняя нас раем вне Земли?..

Но, может, в том и трагедия русского народа, что он, определив себя народом Христа, по-прежнему беспредельно привязан к Земле, а это противоречит замыслу Всевышнего?..

Спохватившись, уже будучи с седой бородой, я с трудом проследил свою крестьянскую родословную по отцу до начала девятнадцатого века. Мои предки, пригнанные откуда-то из центральной России на южноуральский Симский горный завод в качестве черноработных крестьян, в ревизских сказках начала девятнадцатого века назывались уже по фамилии, когда все другие однодеревенцы именовались ещё по принципу Иван сын Петра. Вроде бы за моими предками не числилось, по крайней мере, мне неизвестно, никаких страшных или особых грехов. И во власть никто не лез, правда, дед, будучи кузнецом, по своей грамотности по совместительству ходил в волостных писарях. Никто не вступал даже под нажимом ни в какие партии, тем более, в большевики, никто не раскулачивал, наоборот, были в раскулаченных, все, кого знаю, всегда были ниже травы, тише воды, но Господь почему-то решил прекратить наш род.

У моих сестры и брата — только дочери. В юности один умер, второй погиб, разбившись на мотоцикле, — два моих двоюродных брата, не оставив после себя никого, у двух других — тоже только дочери.

Я прервал тянущийся из века в век род. Может, так по неведомой мне причине решил Всевышний?

Мне это не даёт покоя...

Жизнь без тебя...

Оберегал тебя, как ребёнка, от всяких неприятностей и, видимо, делал это неуклюже, потому что ты воспринимала это так, будто я имею от тебя какие-то свои тайны. Ты узнала о моей операции по поводу остеомиелита правой голени только на третий или четвёртый день после операции, когда из реанимации меня уже перевели в палату. Отправляясь в дальние экспедиции, с которыми заведомо не было никакой связи, я оставлял на последней почте деньги, чтобы тебе время от времени от моего имени посылали телеграммы, что у меня всё в порядке. Потом ты узнавала или догадывалась об этом и начинала думать, что у меня есть от тебя и другие тайны.

Получалось, что я всё это делал во вред себе.

Когда мы одно время жили каждый сам по себе — и ещё не в разводе и в то же время вроде бы уже договорившиеся о нём, — казалось, нас удерживала лишь общая квартира (сколько несчастных семей удерживал и удерживает этот проклятый для России вопрос!), однажды вечером ты как бы между прочим сказала мне:

— Мне предлагают выйти замуж...

Я молчал. Я знал, что у тебя есть поклонники, в том числе статный милицейский полковник, который откуда-то знал, что мы с тобой живём не в ладу, и который однажды на улице пытался заговорить со мной на эту тему, но я отмахнулся от него: “Почему я должен решать, пусть она решает”.

— Что мне делать? — спросила ты.

— Решай сама.

— А ты что скажешь?

— Решай сама, — ушёл я от прямого ответа.

Порой мне хотелось, чтобы ты ушла. Порой мне самому хотелось уйти от тебя, но я выжидал, чтобы это решение приняла ты, ибо причину наших разногласий я видел только в тебе. А сейчас порой думаю: может, не нужно было тебя тогда удерживать? Может, ушла бы ты к другим берегам, была бы счастлива? И были бы у тебя дети, внуки... Может, и у меня теперь были бы и дети, и внуки. Может, мой большой грех, что я тебя тогда удержал, не способный дать тебе счастья? И, может, не заболела бы этой страшной болезнью, ибо не было бы у тебя смертного греха перед Богом, от которого я тебя тогда не только не удержал, более того, как я теперь запоздало понимаю, свой грех переложил на тебя?..

Однажды, измученная страшными болями и уже не в силах бороться с раздражительностью, ты в сердцах бросила мне в глаза: “Ты лишил меня материнства”. У меня чуть удержалось на языке, чтобы не сказать в ответ, что ты лишила меня отцовства и обрекаешь на одиночество, но я промолчал.

Но мы не задумывались, что на нас обоих ещё один тяжкий грех: мы лишили материнства и твою бездетную от природы сестру, которая теперь, на старости лет, могла бы остаться с племянницей или племянником, которые заменили бы ей детей, а твою мать лишили возможности стать бабушкой. Господи, я знаю, что не имею права даже просить у тебя прощения!

Умер от рака Г., второй человек в администрации губернатора. Мне приходилось обращаться к нему с некоторыми вопросами, по возможности он всегда старался помочь. Не помогли ему ни ЦКБ в Москве, ни дорогостоящие лекарства, ни знаменитые немецкие онкологические центры. Не знаю, когда в нём поселился рак, но за два года до этого в авиационной катастрофе над Баденским озером вместе с семьёй Калоева у него погибла дочь, и говорили, что рак в нём поселился, возможно, в результате нервного потрясения. Всего месяц назад мы встретились с ним и обнялись в ночном аэропорту: я возвращался из Москвы, а он встречал прилетевшую этим же рейсом старшую дочь-студентку. Ничто не говорило о том, что жить ему осталось всего месяц...

Рак! Что это за болезнь? Было время, ещё в начале XX века, когда врач за всю свою медицинскую практику мог ни разу не встретиться с раком. Сейчас же ежегодно в мире от рака умирает около 5 миллионов человек при одновременном выявлении до 9 миллионов новых случаев заболевания. И с каждым годом эти цифры растут чуть ли не в геометрической прогрессии. И главное, — катастрофически растёт детская заболеваемость раком.

Каковы природа, причина рака? Стресс, как, может, в случае с Г.: погибла дочь в авиакатастрофе? Канцерогены? Вирусы? Чей-то, — если кто наблюдает за нами со стороны, в случае, если мы для него подопытные кролики, — способ борьбы с перенаселением планеты? В чём смысл неизлечимости рака, длительности, мучительности умирания?

Раком заболевают грешники, чьи души не поддаются никаким другим способам совершенствования, подготовки нас к иной жизни? В зависимости от степени греха и закоренелости души они одариваются разными видами рака: одним для подготовки к иному миру хватает месяца, а некоторым — многие годы? Может, раком заболевают также люди, которые настолько сильно привязаны к Земле, что в случае внезапной смерти или смерти по старости могут оказаться совершенно неподготовленными к иной жизни, без осознания её и покаяния, а покаяние возможно только на Земле? И потому человек перед уходом с неё так мучается, что Бог из милости даёт ему возможность осознать свои грехи и покаяться, чтобы ему было легче там?

Человек при раке высыхает до того, что остаётся одна измученная душа. Вместе с ней мучаются, совершенствуясь при этом, души родных и близких?

Заболевший раком, хочет он этого или не хочет, начинает осмысливать прожитую жизнь, и в результате приходит к выводу, — но всегда ли? — что некоторые, а может, и многие его поступки и дела, которыми он, может, даже гордился, были грехами? Может, Господь специально “одаривает” человека раком, чтобы, когда человек вдруг узнает о своей обречённости, его заблудшая, закореневшая душа сначала как бы в результате электрошока или удара молота проснулась, а потом, совершенствуясь в муках, постепенно освобождалась от своего тела, которое не хочет отпускать её и после смерти которого она могла бы быть принятой Богом?

Но если признать, что причина рака только в несправедной жизни, то я знаю десятки людей, которые жили праведной жизнью, в том числе монахов, которые умерли от рака. И в то же время я знаю множество случаев, когда человек в результате этих мучений не очищался душой, а, наоборот, озлоблялся, не примирялся с уходом из этой жизни.

В бессилии перед раком мы ведём себя, словно страус, при опасности прячущий голову в песок: раз мы бессильны перед раком, то, пока он не коснётся нас лично, делаем вид, что вроде бы его вообще не существует. Пока он не коснётся нас лично, мы стараемся не замечать, что рядом с нами почти в каждом, по крайней мере, в каждом крупном и уж обязательно в областном городе существует раковый центр, а теперь это, как правило,

даже целый квартал, город в городе, в котором мест, несмотря на постоянное его расширение, с каждым годом всё больше и больше не хватает. А мы упорно продолжаем до поры до времени обманывать себя, что этот страшный пограничный город между этим и тем светом не заберёт кого-нибудь из близких или самого тебя. И, проезжая мимо, до поры до времени отворачиваем от него голову: раз мы его не видим, то он вроде бы и не существует. Может, в мире с каждым годом всё больше и больше грешников? Может, со временем раковые центры будут занимать целые микрорайоны? Может, уже бессильны все другие способы разбудить наши души? И чуть ли не каждый человек будет проходить через рак — в такой степени закалились наши души? А мы никак не можем понять этой простой истины и безрезультатно ищем причины возникновения рака.

По какому принципу и кто нас отбирает, забирает в этот страшный город в городе на границе миров? Кто-то из нас умирает во сне, не подозревая о своей смерти. Большинство из нас мечтает о такой безболезненной и беспамятной смерти. Православные священники, наоборот, утверждают, что это большое несчастье: “Люди неверующие всегда желают умереть внезапно, вернее, избежать смерти через смерть бессознательную. Такая смерть — результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна, радостна смерть истинно верующих христиан, настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения. Смерть внезапная, без покаяния, страшна и часто является наказанием за наши грехи. Желание умереть во сне — из трусости. Господь посылает нам болезни для нашего спасения, для осмысления грехов наших, чтобы в немощах своих познавали силу Божию”.

Кто решает, когда и как какому человеку умереть: от сердца — вдруг, неожиданно или мучительно долго — от рака? Рак всё шире охватывает именно так называемые цивилизованные страны, несмотря на все усилия медицины. Может, причину его нужно искать в извращенной жизни, в разладе с природой, в отсутствии гармонии в самом человеке, между его телом и душой?

Пытаясь найти ответ, открываю книгу приснопамятного владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, светоча России в Новое, нынешнее Смутное время: “Болезнь тела есть лишь следствие болезни души, поэтому главное лекарство для больного — это “дух сокрушён”, это искреннее раскаяние в совершённых грехах и намерение исправиться. О первопричине телесных болезней говорит сам Иисус Христос. Исцеляя страждущих, Он напутствовал их такими словами: “Иди и больше не греш!”

Ещё: “Ты неправильно понимаешь суть болезни... Господь хочет через болезнь привести тебя ко спасению, а ты расстраиваешься и тем самым идёшь против воли Божией... Говори так: “Господь, укрепи меня в страданиях моих и даруй мне терпение, чтобы без ропота переносить всё во имя Твое, помилуй мя”.

И ещё: “Неверно рассуждаешь, что твоя болезнь якобы не от Господа. То, что она возникла у тебя не на почве порока, ещё не значит, что она не от Бога. Это Он болезнями привёл тебя к Себе, поэтому не смущайся, а твёрдо верь, чтобы посредством её исцелить твою душу”.

Оказывается, всё просто и ясно, если ты веруешь в Бога. А раз тебе с этими простыми и ясными мыслями трудно смириться, значит, твоя вера не крешка, или ты только обманываешь себя, что веруешь. Простым гриппом окаменевшую, тем более загнившую душу не вылечишь. Но в то же время: противится этому душа, и без того так мало нам отпущено на этом свете. И каков принципа отбора? Я уже говорил, что знаю людей, несомненно, праведных, но окончивших жизнь в страшных страданиях. Или у нас с Всевышним различны понятия о праведности?

И ещё читаю: “Часто, возлюбленные братья и сёстры, перед нами встаёт такой вопрос: почему не за всякого больного можно приносить молитвы? Ответ мы находим в житиях подвижников благочестия, которые правильно разумели суть событий. Они разумели, по какой причине происходит та или иная болезнь в естестве человеческом, и в зависимости от этого или умоляли

Бога об исцелении, либо всецело предоставляли исход болезни Божественному промыслению о человеке... Я знаю, что современный нам подвижник благочестия протоиерей Иоанн Кронштадтский тоже не за всех молился, хотя и был весьма любвеобилен к немощам и страданиям людским, к человеческому горю. Праведник прежде прозревал причину болезни. И если видел, что она произошла вследствие грехопадения, тогда молился не об исцелении телесного организма, а об исцелении души человеческой”.

Но вот что я ещё читаю у владыки Иоанна, но уже применительно не к отдельному человеку, не к отдельной душе человеческой, а применительно ко всей России, к Новому Смутному времени, обрушившемуся или специально обрушенному на неё: “Никто не знает, сколько ещё отпущено нам, чтобы опомниться и исправиться, поэтому каждый, не откладывая, не медля, спроси себя: “Не я ли причина нынешнего позора? Не мой ли грех удерживает Отчизну в бездне падения? Не моё ли нерадение отлагает светлый миг воскресения?.. Русские люди, подумайте здраво: среди нас никого, кто мог бы оправдаться, случись ему отвечать на эти вопросы не пред земным бесстрастным и слабым человеческим судом, а перед Судом Всеведающим и Всесовершенным”.

И сразу рождается мысль: если мы временные на Земле, почему митрополит Иоанн, взывая к нашей совести, говорит о будущем России, о её воскресении? Где она воскреснет? Или уже есть параллельная небесная Россия? Или она воскреснет в час Воскресения на Земле вместе с нами?

В конце концов я, кажется, внутренне согласился с мыслью, что болезни даются в наказание человеку, в осознание его грехов, в искупление их. Получается, что какие причины возникновения рака мы ни искали бы, он ниспослан нам для исправления души. Но как тогда быть с животными? Они болеют одними и теми же с человеком болезнями, в том числе раком. Им Бог посылает болезни — тоже в исправление грехов? Но ведь Церковь утверждает, что у животных душа смертна, значит, не требует покаяния. Или они тоже будут жить в том прекрасном загадочном мире? Сколько погубили мы за тысячелетия в своих бесконечных человеческих войнах ни в чём не повинных лошадиных душ?! Тогда в раю должны пастись на зелёном вечном лугу несметные табуны погубленных нами коней, а человеку там вообще нет места, а если есть, то так, где-то стыдливо в стороне.

Как жить дальше? И сколько мне отмеряно? Стоит ли дальше городить земной огород? Может, уже тоже пора собираться в дорогу? И если у меня ещё есть время, какова цель, смысл моей оставшейся жизни?

В своё время, бывая в Болгарии, я не раз порывался поехать к известной прорицательнице Ванге, в том числе, может, чтобы узнать своё будущее. Мои болгарские друзья обещали устроить эту встречу. Другое дело: приняла ли бы она меня? Но в последний момент я отказывался от этой поездки. Что-то меня остановило. Или кто-то меня остановил. Соблазнительно и в то же время страшно знать своё будущее. С одной стороны, зная свой последний день, можно всё спланировать, определить очерёдность дел, распорядиться своим скромным имуществом. Но, с другой стороны: а вдруг это уже завтра или послезавтра, пусть уж лучше будет неожиданно...

Почему и кем Ванге дан был такой дар? Почему Вангу не признала Церковь, хотя она считала себя православной? И после её смерти долго не освящали построенный ею православный храм? Потому что своей мыслью вторгалась в запретное? Но она не просила этого дара, он пришёл к ней свыше после несчастного случая. Или, видя будущее, она не имела права посвящать в него людей? Получается, что её предсказание, предвидение будущего — свидетельство того, что наша жизнь — не цепь случайностей и что мы не сами её планируем, на самом деле она кем-то запланирована, словно в нас заложен какой-то, вроде часового, механизм с жизненной программой, и мы не в силах в ней что-то изменить. С этим моё сознание никак не может смириться. Как и с тем, что моё будущее — тайна только для меня. Ведь если наша жизнь никем не запланирована, то невозможно предсказывать будущее. Это во-первых. Но ведь тогда получается, что и все наши грехи запланированы?! Как же тогда быть с покаянием и с воспитанием души? Почему же

некоторые, вроде Ванги, в результате тяжёлых травм головы или душевных потрясений получают — от кого? — дар видеть будущее? Вангу в детстве поднял смеч и ударил о землю, в результате чего она ослепла, но обрела другое зрение, внутреннее. Другой попал в автомобильную катастрофу. Третий был сбит в самолёте над Афганистаном...

Почему же Господь не даёт нам, обыкновенным смертным, знать будущее? Преподобный Иоанн Лествичник объясняет это так: “Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам преддверие смерти, если воспоминание о ней столько благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго презнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю свою жизнь в беззакониях, и на самом уже исходе из мира сего приходил бы ко крещению или к покаянию, но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления...”

Как и чем жить дальше? Читаю у митрополита Антония Сурожского: “Христиане в древности воспринимали смерть как решающий момент, когда окончится время деяния на Земле, и, значит, надо торопиться, надо спешить совершить на Земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру приблизиться к этому, что апостол Павел называет полнотою роста Христова, стать — возможно, совершеннее — неизказанным образом Его”.

Кстати, Ванга тоже умерла от рака...

Читаю очередную книжку о жизни по ту сторону смерти: “Мы всего лишь странники и пришельцы на этой Земле — странники, идущие к Царствию Божию. Как странники, мы имеем за своими плечами котомки, и от того, что мы запасём в них к концу нашего странствия, и будет зависеть наше спасение либо наше отчуждение от жизни вечной. Если в конце нашего жизненного пути окажутся лишь прелести мира, чрезмерная привязанность ко всему тленному — тогда наступит гибель наша. Но если мы отрешимся самих себя и приучим сердце к небесным благам, складывая в котомку души добродетели, — придёт наше спасение”.

Только я было уверовал в наше будущее воскресение на Земле, как меня снова убеждают, что мы только временные на ней, отбывающие на ней свой срок наказания. Не от лукавого ли всё это? Не лукавый ли таким образом, таким сладким языком, поддельваясь по Всевышнего, стремится нас поскорее увести с Земли? Что значит: чрезмерная привязанность ко всему тленному?! Это значит: чрезмерная привязанность ко всему земному, к родным, близким?! Не может моя душа принять это.

Я мысли не могу допустить: как это жить, заранее приучаясь к мысли, что всё вокруг, что тебе с рождения дорого, эти рассветы и закаты, эта горящая золотом осенняя берёзовая роща — для тебя чужое. А если не чужое, то постепенно нужно отчуждать себя от всего этого, иначе тебе нет пути в мир иной. Это в собственном доме, на своей Земле чувствовать себя иностранцем, случайным гостем?! Снова сверлит мысль: тогда в чём смысл мировой истории, если мы в полном смысле временные на Земле? Зачем строить, в том числе Святыню Русь? Переживать о судьбах русского народа?

Смысл мировой истории единственно может быть в том, если наше воскресение вслед за Страшным Судом произойдёт всё-таки опять на Земле, и мы должны осознать, что, в конце концов, благоустраиваем Землю для самих себя, когда снова воскреснем. И тогда мы не будем её равнодушно отравлять, заваливать мусором.

И всё-таки почти каждый человек уходит с мыслью: может, всё это — насчёт того света — обман? Умру, а там — пустота, ничего нет? Сюжет: “Всю жизнь жил праведно, готовился к той, истинной жизни, какие только соблазны ни были, отводил от себя, ни разу не согрешил, а там ничего не оказалось, чёрная пустота. Обманули святоши, а ничего уже не вернёшь...”

Зачем я снова и снова прокручиваю в памяти нашу с тобой жизнь, с каждым разом всё больше и острее чувствуя вину перед тобой, даже в тех

случаях, в каких раньше считал себя невиноватым? Тем самым терзая душу свою, что порой кажется, что она не совершенствуется, а истончается, и однажды, истончённая до предела, порвётся. Или всё-таки в этих душевных муках она как бы шлифуется? Чтобы однажды, может, когда я до конца, без всяких оговорок, осознаю свою вину перед тобой, перед Богом, вопреки мне, вопреки разуму моему, она, может, неожиданно, а может, столь же мучительно, как у тебя, попросится из тела? Чтобы там, если нам суждено встретиться, с лёгкой душой встать перед тобой на колени, а ты, всё простив мне или забыв по воле Божией, погладишь меня, как прежде, как ребёнка, по голове?

Очередной твой день рождения. Несмотря на осень, буйно цветут стоящие на твоём столе перед твоими фотографиями фиалки. Остальные цветы так себе, безрадостные, еле живые.

Опять у кого-то читаю: “Мы, христиане, не от мира сего”. А я хочу быть от мира сего. Не хочу я райских кушей, я хотел бы видеть снова и снова — и так без конца — осенние берёзы в искрах первого морозца, печь в костре картошку, смотреть и вслушиваться в весёлую горную речку...

Мы с раннего детства, как только начинаем осознавать себя, живём будущим и даже в будущем. Сначала торопимся стать взрослыми. И радуемся, когда нам говорят: “Какой большой стал!” И даже уже у взрослых: всё лучшее у нас всегда впереди, мы никогда не довольствуемся настоящим, и даже в лучшие свои времена живём завтрашним днём. И так чуть ли не до самого последнего дня.

Может, это не что иное, как тоска по тому, другому, высшему миру, интуитивное и даже генетическое стремление приблизить его? Знаем, что жизнь коротка, а в то же время сами её гоним и гоним, живя завтрашним днём, — и всё время в каком-то томлении души...

Вспомнил свою первую, школьную любовь. Наверное, ангельская любовь подобна первой, ещё детской невинной любви, когда нет ещё телесного желания. А одно лишь желание видеть, быть рядом, быть полезным...

Спрашиваешь ребёнка:

— О чём ты мечтаешь?

— Поскорее стать взрослым.

Спрашиваешь взрослого:

— Ради чего живёшь? В чём смысл жизни?

— Ради детей. В детях.

— А зачем дети?

Некоторые теряются от такого вопроса, отвечают не сразу, другие отвечают, не задумываясь, но все, за редким исключением, отвечают одинаково:

— Продолжить род.

— А зачем продолжить род?

Недоумённо пожимают плечами: одни — не зная, что ответить, другие — считая вопрос нелепым.

И так из поколения в поколение. Никто не живёт для себя, исключая всяких там художников, писателей, по большому счёту, людей ненормальных, больных тщеславием. Большинство живёт для детей, для продолжения рода. Получается, что другого предназначения у человека на Земле нет. В этом есть какой-то высший смысл, которого мы не знаем. Вроде бы зачем тянуть из века в век свой род, когда мы временные на Земле? Значит, мы не временные где-то, куда улетают наши души?

Если бессмертна наша душа, зачем Господу столько новых душ? Для заселения пустой Вселенной? Для борьбы с дьяволом? Но дьявол отбирает, по крайней мере, на Земле, у Господа всё новые и новые души. Получается, что плодится как раз войнство дьявола?..

Читаю и пытаюсь понять:

“Бог создал Адама и Еву и поселил их в раю сладости, чтобы они радовались его красотам и питались его плодами. В испытании их послушания только от одного дерева запретил им вкушать — от дерева познания,

на котором начертал смертный приговор. Все прочие деревья, сказал Он им, в вашей власти, берегитесь только, не вкушайте от этого, ибо Я решил, что, как только вы протянете к нему руку, тотчас умрёте: “От древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь” (Быт. 2.17)

Зачем же Он тогда создал мужчину и женщину, если знал или предполагал, что они могут согрешить? Или: зачем тогда Он создал женщину, если там, в раю, не будет разделения полов и, по Его мысли, люди должны были размножаться иным способом? Или: зачем Он тогда создал человека несовершенным, заложил в него сладкий яд самоуничтожения и посадил перед ним для испытания древо познания, зная или подозревая, что человек, сорвав с него плод, непременно додумается в том числе до атомной бомбы, да ещё до чего пострашнее её, например, до попыток изменения генетического кода, до клонирования, наконец? Да только дьявол, наверное, знает, до чего человек ещё додумается... Вот сейчас ему непременно надо знать, из чего состоит антиматерия, мало того, попытаться создать её. Может, не всё было во власти Всевышнего? И тем более теперь — не в Его власти?

Ева первая протянула руку, взяла плод, съела сама и подала Адаму. Она поверила не Богу, а змию, который сказал: не умрёте. Но почему тогда самой первой и самой верной христианкой была женщина, Магдалина, и ныне, войди в любой в храм, увидишь, что там больше женщины?

Мало того, что за первородный грех человек был наказан. Якобы и природа, в которую был брошен человек, тоже была наказана: она стала тленной. “С преступлением человека изменилась и природа, — пишет Феодосий Антиохийский, — и хищники появились только после падения Адама. Природа стала враждебной по отношению к человеку”. Что, хищные динозавры и прочие появились на Земле позже или одновременно с человеком, как следствие грехопадения его?

Но если бы не было греха Адама и Евы, как бы появился на Земле человеческий род? Они так и жили бы вдвоём в раю бессмертными? Преп. Максим Исповедник пишет о духовном размножении человеческого рода. Но тогда снова встаёт прежний вопрос: зачем Господь придумал разделение полов или зачем Он создал женщину?

Из книги в книгу подвижников Церкви переходит основополагающая мысль, что смерть — последствие грехопадения человека. Бог создал людей бессмертными, но в результате уклонения от заповедей Божиих люди стали смертными и тленными, как и вся Природа.

И вдруг у преподобного Исаака Сирина натыкаюсь на утверждение, что установление смерти и изгнание из рая были только совершены под знаком проклятия, а на самом деле в проклятии этом было скрыто благословение Божие: “Как бы установил для Адама смерть под видом приговора за грех и как посредством наказания. Он выявил наличие греха... точно так же Он показал, будто смерть была установлена для Адама как возмездие за его ошибку. Но Он скрыл свою истинную тайну и под образом чего-то устрашающего спрятал своё предвечное намерение относительно смерти и Свой мудрый план относительно неё; хотя этот предмет (смерть) может быть поначалу устрашающим. Позорным и трудным, тем не менее в действительности — это средство перенесения нас в тот восхитительный и преславный мир... Когда Он изгнал Адама и Еву из рая, Он изгнал их под личиной гнева... Но во всем этом уже присутствовало домостроительство, совершенствующее и ведущее всё к тому, что изначально является намерением Создателя... Не непослушание ввело смерть в дом Адама и не нарушение заповедей низвергло Адама и Еву из рая, ибо ясно, что Бог не сотворил их для пребывания в раю — лишь малой части Земли; но всю Землю должны они покорить”.

Вот: не в этом ли смысл мировой истории и нашего пребывания на Земле — сделать её частью рая? Или самим раем?

Но нынешний митрополит Волоколамский Илларион так комментирует преподобного Исаака Нисского: “То есть даже если бы первые люди не нарушили заповедь, то всё равно не были бы оставлены в раю навсегда. Таким образом, смерть была благословением, поскольку изначально содержала

в себе потенциал будущего воскресения, и изгнание из рая было во благо человеку, поскольку вместо “куска земли” он получал во владение всю Землю... Согласно Исааку Сирину, смерть явилась следствием божественной “хитрости”: под маской наказания за грех Бог скрыл Своё истинное намерение, заключающееся в спасении человечества. Необходимо видеть, что действия Божии в истории человека лишь внешне могут выглядеть как наказание и кара, в действительности же цель Бога — достичь нашего блага любыми средствами. Зная заранее нашу склонность к разным видам лукавства, Бог премудро и хитро уготовляет то, что кажется нам пагубным, на самом же деле оно является средством нашего исправления и спасения. Лишь пройдя через то, что нам представляется наказанием от Бога, мы осознаём, что оно служило нашему благу. У Бога нет возмездия. Он всегда заботится о пользе, происходящей от всех его действий по отношению к людям...”.

“Верующие в Христа попадают в рай”. А куда попадают неверующие, некрещёные, не знающие Христа не по их вине? Вот тебе и готовый ответ: “Не проходят воздушных мытарств души неверующих в Христа (некрещёных), а сводятся бесами прямо в ад, что подтверждает Сам Христос: неверующий уже осуждён есть”.

Не может такого быть! Не может Он быть таким жестоким! Верно ли тут трактуют Спасителя? Этот ли смысл Он вносил в свои слова? “Невозможно церковное поминовение неправославных”. А что, они виноваты, что неправославные, если, например, родились где-нибудь в срединной Африке, или папуасы, и слышать не слышали об Иисусе Христе? “Умиравшие вне веры похожи на самоубийц”.

А куда попадают мусульмане, которые веруют в Иисуса Христа только как в одного из пророков Всевышнего? Или у них свой рай и свой ад?

Жизнь без тебя...

Ну что, добился я своего, можно сказать, осуществил свою мечту: стал писателем — и оказался у разбитого корыта. Я без всякого сожаления променял бы все свои написанные книги на счастливую семейную жизнь с детьми и внуками, с садом, огородиком и сиренью перед окнами. Помимо всего прочего, мои книги мало кому нужны, более того, они многих даже раздражают: уже несколько человек, кто с лёгким упрёком, а кто даже с досадой бросали мне в лицо, что не жалею я своего читателя, рву нервы: “Хочется чего-то лёгкого, со счастливым концом, а вы рвёте душу...”

Читаю: “Причина рака — в падении духа, ибо уныние — одно из самых страшных грехов, утверждает Евангелие”. Это обо мне. Может, рак уже тоже разрушает меня изнутри, может, разрушают сами мысли о нём? Что ни заболит, я уже думаю о нём.

“Заболевший раком до поры до времени не подозревает, что болезнь давно затаилась в нём как результат потери организмом способности к сопротивлению, что вызывается следующими факторами, длительное время подготавливающими здоровье: неправильное питание в течение всей жизни; истощение жизненных сил организма из-за чрезмерной работы, излишних волнений, страхов, а главное — мрачных и разрушительных мыслей...” Это тоже обо мне. “Так и подготавливается почва для рака, который теперь может развиваться в той части тела, которая так или иначе подвергалась длительному раздражению. Пытаясь помочь больному, медики вырезают пораженную часть тела, никоим образом не устраняя причины болезни...”

Читаю: “Психоастенический синдром — хроническая усталость души и тела. Астения (в переводе с греч. — слабость, бессилие) может быть усталостью физически перетрудившегося человека или человека, перенесшего болезнь. Однако нас интересует другая астения — усталость измученного неудачами, неприятностью, агрессивностью окружающих, безрадостной жизнью, отсутствием положительных эмоций человека. И это усталость души, психическая усталость, но не от серьёзной умственной работы, а от накопленных отрицательных эмоций, от тяжёлых переживаний. Это усталость от контакта с жестоким и безжалостным человеком, от бесконечной несправедливости,

от ощущения беспомощности перед злом. И ничто так не отбирает силы у человека, как тягостные переживания. Они как вампиры.

В конце концов, духовная, психическая опустошённость приводит к физической опустошённости. И в этом случае речь идёт о психоастеническом синдроме как важной составной части психосоматического заболевания... От такого истощения сил более всего предостерегает древневосточная медицина, считая такое состояние самым опасным из всех бед, настойчиво предупреждая, что при таком развитии событий человек неизлечим. Древневосточные медики полагали, что предельное истощение психофизических сил — преддверие смерти, когда человек ещё жив, но уже обречён. Тибетская медицина относилась к грозным признакам предельного истощения сил следующие симптомы: постоянное чувство предельной усталости, полной безнадёжности, бессилия и апатии. Человек не живёт, а только существует. Он капитулировал, у него в депрессии и душа, и тело.

Психоастенический синдром, таким образом, — самая тяжкая расплата за невежество, за жизнь вопреки своей натуре, за неспособность изменить свою жизнь, когда она невыносима, безрадостна или пошла по порочному кругу. История многих драматических судеб — история развития психоастенического синдрома. Его коварство в постепенности, неприметности сползания в него, в том, что человек спохватывается на этом пути, когда уже поздно.

Психоастенический синдром имеет свои этапы. Вначале человек полагает, что он просто устал и надо как-то продержаться до выходных дней, до отпуска, что усталость естественна. Утром он ещё свеж, но с середины дня уже ощущает себя уставшим, разбитым, измученным. Он отмечает снижение трудоспособности, ухудшение памяти, а окружающие чувствуют его повышенную раздражительность.

На втором этапе человек уже просыпается усталым. Теряется интерес к новым встречам, к разговору, к общению. Отдых начинает напоминать протрацию, когда ловишь себя на том, что это скорее забытьё, когда смотришь в одну точку и ничего не видишь. Возникает тревога, страх, мучают плохие предчувствия.

На третьем этапе человек начинает говорить не “устал”, а “предельно устал”. Усталость уже на клеточном уровне. Речь идёт о глубоком истощении организма, о его незащитности, в том числе иммунной системы. Это подход к “красной черте” или переход её. Омрачённость души доведена до своего логического конца. Человек инстинктивно ощущает страх. Он чувствует себя старым и разбитым. Нет желаний, он равнодушен к тому, что раньше его занимало больше всего. При встрече с друзьями, родными человеку мучительно хочется остаться одному.

Это уже катастрофа. Возникают новые болезни, становятся хроническими старые. Врачи видят в психоастеническом синдроме альфу и омегу проблемы психосоматических заболеваний, её основу основ, в том числе рака...”

Всё это обо мне... Как-то нужно брать себя в руки...

Два восприятия мира: до и после твоей смерти. До того, как перечитал купленные в церковной лавке умные книжки о потустороннем мире: что нас ждёт там, за рубежом жизни, и — после, когда я их прочитал. Подобные, до сих пор не знаю, умные или хитрые, книжки попадались мне и раньше, но раньше если я их и читал, то не более как научно-фантастическую литературу, они как бы не относились лично ко мне. Или пока не относились. Разумеется, я и раньше задумывался над тем, что там, за пределом жизни, но я решал эту проблему просто: поскорее отмахивался от этих мыслей, всё равно ничего не изменишь, поживём-увидим, всё это в далёком-далёком будущем, придёт время, тогда и думать будем. Иначе говоря, за рубежом жизни пока была для меня неясная, пусть и тревожная, но пока ещё далёкая от меня пустота, а тут вдруг приходишь к мысли, что это может случиться уже завтра или даже сегодня.

Эти умные или хитрые книжки вроде бы давали надежду на продолжение жизни после смерти или даже на вечную жизнь, они исключали зияющую пустоту после смерти, но этот факт меня почему-то не радовал.

И я знал, почему он меня не радовал, а даже пугал. Почему за порогом смерти меня, может, больше устраивала пустота: пустота она и есть пустота, в пустоте ни за что не надо будет отвечать, ни перед кем отчитываться за прожитую жизнь. А в случае продолжения жизни за рубежом смерти за всё, прожитое на Земле, придётся отвечать. А я к этому не готов, более того, к этому я преступно не готов. Оторванный, пусть во многом не по своей вине, от простых, но основополагающих истин, а я до сих пор сомневаюсь, что они — конечные истины, я, чаще всего, не задумываясь, не считая грехом, в этой жизни я натворил столько такого, за что там придётся отвечать, что я, может, предпочёл бы пустоту.

Да, как ни парадоксально, легче было жить, когда впереди у тебя пустота. А знание или предположение, что за гранью жизни на Земле другая жизнь, только в иной ипостаси и не на Земле, обострило внутреннее несогласие, что мы, не я конкретно, а мы, люди, — временные на Земле, что мы больше никогда на неё не вернёмся, даже после Страшного суда и всеобщего воскресения. Какое-то время после твоей смерти и особенно после прочтения этих умных или хитрых книг я вообще на всё, в том числе и на себя, смотрел как бы со стороны, как на временное. На так называемые памятники старины, которые мы зачем-то пытаемся сохранить, хотя и мы, и они временные; разумеется, на бегущие мимо машины, на сидящих в них людей, на ежедневные человеческие проблемы, на политические страсти, даже на всемирную историю. Не знаю, догадывались ли о моём состоянии окружающие, но с этим чувством жутковато было жить. Всё вокруг казалось не имеющим смысла, тем более, когда люди гибли даже не в войнах, а в автомобильных катастрофах, от грозových молний; шаровая молния взяла и догнала пытающуюся убежать от неё только начинающую жить девушку... По какому принципу и кто выбрал именно её? Тысячи, десятки тысяч людей одновременно, независимо оттого, были они грешными или безгрешными, погибали от ураганов, землетрясений, волн-цунами. На что бы я ни смотрел, всё было временным. Временной была и Земля, и даже сама наша Вселенная. Ещё из школьного учебника астрономии я знал об этом, не помню, потрясло ли меня это в детстве, но только сейчас я осознал всю суть вселенского временного бытия. Но тогда куда уносится после нашей смерти, как утверждают, бессмертная наша душа?

В своих мыслях я снова и снова как бы повисал в пустоте, как, очевидно, повисали тысячи, миллионы людей до меня. Только в так называемой святоотеческой литературе всё просто и ясно: веруй, и всё! Веруй, и всё остальное не твоего ума дело! Моё сознание, моя душа оказались не готовы к восприятию толкований Евангелия. Не своеобразная ли это разновидность так называемой фантастической литературы? Читая её, я чувствовал бестелесность не только своего тела, но и мысли. Видимо, неслучайно, что именно из среды семинаристов, воспитывающихся на толкованиях Евангелия, выходило столько крайних атеистов, нигилистов и революционеров всякого рода...

Мне говорят: зачем ты читаешь всё это? Читай Евангелие, там всё ясно и просто изложено, всякие попытки толкования искажают истину.

С последним утверждением я полностью согласен, но далеко не всё ясно мне, может из скудости ума, может из-за очерствелости души, в Евангелии, не говоря уже о том, что оно — действительно ли евангелие Спасителя, не искажено ли по недомыслию или хитрому умыслу его апостолами?

Повторяю, я не знаю, замечали ли моё состояние окружающие. Но я на всё смотрел теперь как на временное и потому не имеющее никого смысла — какими-то потусторонними временными глазами. Даже не отчаяние, как прежде, а равнодушие скручивало меня.

Только по прошествии времени во мне что-то стало устывать, успокаиваться: да, всё временное, но, видимо, в этом есть какой-то высший смысл, и в этом высшем смысле нужно искать свой смысл, пусть даже если пока он для тебя совершенно не ясен. Но полностью от этого тяжёлого чувства я так и не смог освободиться. Оказывается, легче привыкнуть к пустоте за пределом жизни, чем к тому, что ты пусть вечный, но временный на Земле.

И ещё я теперь жил с чувством: если раньше я мог что-то скрыть от тебя какой-то свой малый грешок, то теперь ты оттуда всё видишь. Может, хотя бы потому нужна вера в потусторонний мир, независимо от того, есть он или его нет? Это остерегает человека от многих дурных поступков.

И ещё я пришёл к мысли, что, наверное, всю оставшуюся жизнь нужно посвятить тому, чтобы хоть сколько-нибудь стать готовым к этому ответу. И не только потому, что я боюсь гореть в аду в вечном огне. Я всё-таки думаю, что вечный огонь ада — понятие иносказательное, потому что после твоей смерти я уже беспрестанно горю в нём, исключая, наверное, только часы сна; чувство непоправимой вины перед тобой, впрочем, перед самим собой тоже, меня постоянно гложет. Никто вроде бы, кроме меня и тебя, не знает моей вины, это тайна нас двоих, и тебя больше нет, и можно было бы делать вид, что никакой моей вины вообще не было. Но мне от этого нисколько не легче. Люди не понимают, почему я прячусь от них, многие считают меня гордецом, а мне с моими смертными грехами тяжело с людьми, не столь грешными или не так грешными. Я уже писал, что недавно меня посетила мысль: а может, мы уже живём в аду? Может, Земля — не детский сад для человечества и не исправительная колония даже, а тот самый ад, куда отправляют падшие души в человеческой личине и тленном теле? Может, потому у нас на Земле с самого начала и до самого конца, может, исключая раннее детство, так мучаются, мнутся душа и совесть — пусть не всегда, пусть время от времени, но заставляют нас гореть в мучительном огне?

(Окончание следует)